

Красивая
Ведьма

Прекрасная Ведьма Орков

ЕЛЕНА КЛЮЩЕНКО

Окончилась Война Кольца, и земли к востоку от Мглистых гор наслаждались покоем. Мир меняется, близится рок Дивного Народа, и в шуме Леса все явственней звучит шум Моря?..

А пока отряд эльфов-разведчиков осматривает предгорья, куда бежали от возмездия полчища орков, смешавшись с убогими племенами, которые Черный Властелин не смог или не успел поставить под свои знамена.

И вот однажды отряд эльфов вынужден остановиться около поселения орков.

Так сталкиваются судьбы эльфа Нарендила и маленькой воинственной злой Орки.

Леди Назгул

Прекрасная Дева Орков

Моей сестре.

Орочья деревушка оказалась именно там, где ожидали ее найти: в долине, у верховий ручья. В молчании выслушали эльфы своих разведчиков, в молчании они ждали слова предводителя.

Отряд пришел из Северного Сумеречья. — Без малого две тысячи лет носил это название Эрин Ласгален, Ясный Бор. Срок немалый даже для Дивного Народа. Тьма рассеялась, но привычное имя не торопилось исчезнуть из памяти людей и эльфов. И немудрено: любой из жителей Арды, сказав «Сумеречье», вспоминал не только шевелящуюся Завесу Тьмы, но и упорный народ, что век за веком пел свои песни в ее тени. Сами обитатели прекраснейшего из северных лесов по-прежнему именовали себя эльфами Сумеречья — теми, кто смотрел на звезды сквозь черную мглу.

Теперь все переменялось. Окончилась Война Кольца, и земли к востоку от Мглистых гор наслаждались покоем. Рухнули стены Дол Гулдура — твердыни Кольценосцев, жуткая нечисть была перебита, и воцарился долгожданный мир. Но сами Мглистые горы по-прежнему таили угрозу. Туда бежали от возмездия полчища орков, смешавшись с убогими племенами, которые Черный Властелин не смог или не успел поставить под свои знамена, — с вольными орками, одичавшими, нищими и неспособными на большие лиходейства. Среди лесных эльфов не нашлось бы охотников, готовых преследовать дичь столь же отвратительную, сколь и глупую. Сверх того, гнусные твари больше не делали набегов. Однако мало-помалу они вернулись к своему исконному занятию — грабить и убивать путников в той части Западного тракта, которая проходит через горы. Нападения повторялись снова и снова, и, наконец, Эльфы, Люди и Гномы порешили уничтожить орочью мерзость. Первыми в горы отправились эльфы — не было на Севере разведчиков лучше, чем подданные Владыки Трандуила.

Конные и пешие отряды эльфов осматривали западные и восточные предгорья, ущелья, распадки и тропы вдоль тракта. Переходы в горах обычно совершались днем, при солнечном свете. Хоть лесные эльфы и любят ночь, зато орки ненавидят солнце и не покидают своих пещер, покуда оно не скроется. Разведчики выслеживали орков — следов эти неопрятные твари оставляют более чем достаточно. Но строг был наказ не вступать в стычки с разбойничьими шайками — «отныне да не прольется попусту ни капли эльфийской крови в землях Арды». Настали счастливые времена, светел был день, и ясны звезды. Но близился рок Дивного Народа, и в шуме Леса все явственней звучал шум Моря. И благороднейшую Эльдар, и самого беспечного из тех, кто распевал под кронами Ясного Бора, ждала единая судьба. Значит, рано или поздно поскачут по Западному тракту всадники в зеленых одеждах, и не вернуться в свой лес. Долгая дорога приведет их в Серебристые Гавани, где ожидают корабли, готовые к отплытию. Исполнится предначертанное — навсегда умолкнут эльфийские песни в лесах Средиземья.

...Как было сказано, эльфы ожидали решения предводителя. Кончались запасы воды, и они свернули к маленькой речушке — скорее, большому ручью, не обозначенному на карте,

но памятному многим из них по путешествиям иных времен. И тут отряд подстерегала неудача. Ручей не покинул своего русла, но вода в нем замутилась и источала запах нечистот. Причина была понятна еще до того, как вернулись двое, отправившиеся к верховьям: там поселились орки.

Отряд вел Тингрил из рода Трандуила, славный высоким происхождением и воинской доблестью. Была за ним и темная слава: двадцать дней Тингрил пробыл в плену у орков из самого Мордора. Эльфы редко возвращались живыми из руки Черного, а тех, кто вернулся, встречали не только радостью, но и опаской, — словно зараза Тьмы пристала к ним. Никто в отряде не знал Тингрила прежде. Но теперь, после двух месяцев, проведенных под его началом, разведчики прониклись к нему доверием, хоть каждый и удивлялся про себя суровому облику предводителя, белым прядям в его темных волосах, как бывает у Смертных. Говорили, что руки его изуродованы пытками, — лето и на исходе было теплым, а Тингрил не снимал перчаток. Он по праву слыл знатоком орочьих повадок, и даже понимал некоторые из их наречий.

— Почему вы думаете, что это смиренные орки? — спросил предводитель.

— Скорей всего, смиренные, — ответил Элендар, старший из двух посланных, золотоволосый и светлый, как летний вечер. — Кострища небольшие, и следы не ведут к тракту.

— Много ли их там?

— Мы видели два отверстия в склоне, и рядом еще десять или двенадцать землянок. Трудно сосчитать точно, их крыши сливаются. Самих тварей нигде не видно, еще не вылезли. — Солнце клонилось к западу, но до заката оставалось часа три.

— Откуда тогда взялись нечистоты в воде?! — воскликнул в сердцах Элуин, бессменный кашевар отряда. Последний час пути он только и рассуждал о похлебке с кореньями и травами, приготовлением которой он займется, едва наберут воды в котел. — Эти твари, пропади они вместе с Черным, — не могли же они за ночь натащить столько грязи, что за день ручью не унести!

— Отчего ж не могли, — усмехнулся темноволосый Келион, который никогда не удивлялся дурным вестям. — Ты недооцениваешь орков, друг Элуин. Они и не на такое способны.

— Я не знаю, на что тут похожа вода ночью, — сказал Элендар, — но откуда вот эта грязь — мы поняли. Ручей стекает со скалы, а шагах в тридцати от нее есть маленький бочажок. Туда они навалили всяких горшков и котлов... — Отвращение, с которым он произнес эти слова, отразилось в лицах товарищей.

— Значит, вода негодная, — договорил за него Келион. — Но наших запасов хватит на вечер и утро...

— Запасов в обрез, — сообщил Элуин. — Коней нам не напоить... Нариндол! — окликнул он эльфа, который вел в поводу двух коней вдоль ручья. — Кони пьют?

— Не пьют и не будут, — был ответ. — Я не дам им того, что не годится мне самому.

Настоящее имя говорившего было Нарендил^[1], но он охотно отзывался на прозвище Нариндол — Огненная Голова, а попросту Рыжий. Действительно, волосы его оттенком напоминали скорее медь, чем золото. Он вырос с матерью и, верно, поэтому был жалостлив и насмешлив, а в бою склонен к неоправданному риску. В отряде Нарендил, за его любовь к живым тварям, стал кем-то вроде конского лекаря.

— Что же делать, — в голосе Келиона звучала покорность судьбе. — Далеко ли до

другой реки, предводитель?

— День пути, — ответил Тингрил, — мы не доберемся и к утру. Я предлагаю вам другое: подняться в долину, откуда течет ручей, и там встать лагерем на день.

— Как так? — первым опомнился Элуин. — Рядом с орками?

— Боюсь, что выбора у нас нет, — сказал предводитель. — Кони устали. Положим, еще ночь они выдержат, но если и там нас встретят орки... Пусть скажет Нарендил.

— Это верно, — согласился Нарендил, — коням нужны отдых и вода. Только в той долине вода-то найдется, а что до отдыха... Вы же знаете, как действует на них запах этих тварей.

— Не только на коней, — заметил Келион. — Я сам покоя не найду, коли под самым боком будут десятки вонючих орков.

— Келион прав, предводитель, — впервые заговорил Имлас, который ходил в долину вместе с Элендаром, — младший в отряде, сереброволосый и синеглазый. — Не знаю, как другие, а я глаз не сомкну. От этих лачуг так и веет смрадом и тьмой!

— Но мы можем встать в отдалении от их деревушки, — невозмутимо сказал предводитель. — Велика ли долина?

— Невелика, — ответил Элендар, — от орков не отойти дальше, чем на четверть лиги.

— А кругом скалы, — добавил Имлас.

— Это немислимо!

— Они же все там излазили, истоптали, там каждый камень провонял ими!

— Да ведь это маленький Мордор! Где мы найдем травы для коней?!

— Трава там есть, — перебил Элендар, — им не под силу вытоптать ее всю.

— Пусть так, — но там, должно быть, всюду их следы!.. И ночью они будут вопить...

— И кто знает, сколько их в этих пещерах?

— В пещерах их не может быть много, — все так же спокойно сказал Тингрил. — Если они строят землянки, значит, пещеры неглубоки и не уходят под горы.

— Верно, чего ради им выползать на дневной свет, коли можно пожить в темноте и зловонии!

— Я лучше устроюсь в орлином гнезде, в медвежьей берлоге! — Элуин сердито встряхнул темными кудрями и так оглядел товарищей по оружию, будто сомневался в их рассудке. — Как знаете, доблестные эльфы, но меня тошнит от подобного соседства! Не понимаю, зачем и толковать об этом.

В самом деле, не стоит говорить, какую ненависть питают квэнди к своим исконным врагам. Все повадки орков, самые звуки их наречий настолько отвратительны эльфу, что предложение Тингрила казалось и впрямь немислимым. По доброй воле провести две ночи и день в долине, занятой этими тварями... Однако все понимали, что отряду нужна передышка, а ночной переход, который неизвестно чем завершится, может быть слишком тяжел для коней.

— Говорил я, надо было отправляться пешими, — мрачно добавил Элуин после недолгого молчания. Никто не возразил ему, да он и сам знал, что пешими они не прошли бы и половины своего пути.

— Что скажете, доблестные эльфы? — обратился Тингрил к притихшим воинам.

— Жаль коней, — сказал Нарендил.

— Да что там, надо оставаться здесь, — твердо произнес Элендар. — На войне мы видывали их и ближе. Будем жечь можжевельник, это отобьет вонь.

Никто более не спорил. Отряд двинулся вдоль ручья, вверх по ущелью. Солнце еще не коснулось вершин, когда скалистые стены раздвинулись, и взорам эльфов предстала долина. Подобно огромной чаше, она была наклонена с севера на юг; и как последние капли вина сочатся через щербатый край, так ручей стекал в ущелье. По склону были рассыпаны валуны, обломки скал, вросшие в землю, иные с лежащую собаку, иные с небольшой дом, исчерна-серые, как и везде в этих горах. Менее чем через фарлонг долина разделялась надвое: восточный рукав крутыми уступами поднимался вверх, западный сворачивал в сторону, и обвал перегораживал его. Урочище имело форму треугольника, окруженного высокими стенами. Видно, и в ненастье тут было потише: даже на кручах росла трава да мелкий можжевельник. Здесь-то и располагалась деревушка. Приземистый кустарник между валунами прорезали узкие путаные тропки. Ручей сбегал со скал, разделяющих долину, с их западной стороны. Шум падающей воды был подобен шуму крови в ушах, но тот, кто привыкал к нему, переставал его слышать. Еще западнее, напротив ручья, в скальной стене чернели пещеры и курился навозный дымок над землянками.

Отряд подъехал к ручью. Вода на протяжении тридцати шагов оставалась чистой, как и подобает горной воде. Дальше был зловонный бочажок, о котором говорил Элендар. Тингрил остановил коня, поднес к губам рог, оправленный в серебро, и протрубил.

Не успело смолкнуть звонкое эхо, как из ближайшей землянки (если можно так назвать дыру в земле, как попало засыпанную валежником, — вроде неглубокой волчьей ямы) высунулась орка в растрепанных черных космах по грудь, старая, безобразная, как сама тьма. Она тупо вытаращилась на незваных гостей, и вдруг вскинула руки, широко разинула черную пасть и издала оглушительный визг, который отразился от скал не хуже трубных звуков рога. С этим визгом она вновь провалилась в свою яму. Зато повысунулись другие из землянок и пещер: выставляли только головы и мгновенно прятались. Один за другим иссякли дымки над землянками. Тишину время от времени нарушал тонкий плач, сразу прерывавшийся. Орки явно не желали никаких переговоров.

— Они испугались, — сказал Имлас, то ли спрашивая, то ли утверждая.

— Или что-то замышляют, — предположил Келион.

— Наверяд ли, — ответил ему Тингрил. — Они боятся нас, как боялись всегда. Если и нападут, то только со страху.

Он снова протрубил в рог и прокричал на Всеобщем языке, обращаясь к замершей деревеньке:

— Мы не тронем вас! Нам нужна вода! Мы пробудем здесь день и затем уйдем! — Ответа не было. — Пусть кто-нибудь выйдет, чтобы говорить с нами!

Через некоторое время тишину прорвал сиплый болезненный вопль, донесшийся как бы издали и подхваченный слабым эхом, затем злые выкрики в несколько голосов. «Кричат в пещере», — сказал Келион, и тут же в одном из темных отверстий появилась невысокая фигура: кто-то оступился, упал и поднялся вновь. Это был старый орк, опирающийся на кривой и шаткий посох.

— Вождь? — спросил Имлас.

— Нет, это не вождь, — холодно отвечал Тингрил, и возле губ его проступили брезгливые складки. — Это бесполезный и беспомощный старик. Если мы убьем его, никому не будет жаль.

Старик чуть отошел от пещеры и стоял, медленно озираясь. Голоса все кричали, казалось, повторяя некий приказ. Внезапно старик оттолкнул свою клюку, опустил на

четвереньки и попытался отползти в сторону. Но тут же в воздухе мелькнул камешек, кинутый из землянки. Старик охнул и замер, распластавшись ничком. За первым камнем последовали второй и третий, и тогда он с трудом поднялся и заковылял к неподвижно стоящим эльфам.

— Он, должно быть, чужой им, — сказал Нарендил. — Может быть, пленный...

— Он чей-то отец или дед, — с мрачной усмешкой произнес предводитель, — а участь его ничем не лучше участи пленного. Из слабых среди орков старики всех ничтожнее. За ребенка вступится мать, за старика никто не вступится. Смотрите.

Орк подходил все ближе, между ним и Тингрилом было не более пятнадцати шагов. Это был самый старый орк из всех, кого видели эльфы, — на поле боя такого не встретишь: седой, как речной песок, в одеждах из плешивого меха, со страшными черно-багровыми следами ударов на лице — если то было лицо — и воистину зловонный. Орк остановился, тяжело отдышался и заговорил.

— Мы не служим Мордору, — трудно было разбирать слова Всеобщего языка, произносимые низким и хриплым голосом столь невнятно, будто говорил лесной зверь, принужденный заклятьем. — Никто здесь... не служит Мордору...

— Уж конечно, вы не служите Мордору, — резко ответил Тингрил, — ибо Тому, Кто Сгинул, не нужны слуги. Не бойтесь, мы пришли не за вашими головами, — он возвысил голос, чтобы слышали и другие орки в своих ямах и дырах. — Нам нужна вода. Мы пробудем здесь ночь, день и еще ночь. Мы не тронем вас. Но тот, кто подойдет к нашему лагерю слишком близко, пусть пеняет на себя. Зачем бы он не шел, он получит стрелу в горло.

Тингрил кивнул Келиону, и тут же две стрелы пропели одна за другой — первая воткнулась в пустую глазницу черепа, что торчал на кольшке возле одной из землянок, вторая — в черный пролом на лбу у того же черепа. Стрелы покачивались в широких отверстиях, трепеща на ветру полосатым оперением. Можно было надеяться, что этот знак поймут и несведущие в языках. Старик упал на колени, обвисая на посохе. Голова его мелко тряслась.

— Ты понял мои слова? — спросил Тингрил, нагнувшись с коня.

— Я понял, вождь, — прохрипел орк.

— Передай это всем своим. Можешь идти. — Орк поднял на него мутные глаза и не тронулся с места. — Иди же.

Но когда эльфийский отряд начал подниматься по склону, Имлас увидел, оглянувшись, что старый орк все стоит на коленях. Может быть, у него просто не хватало сил, чтобы встать.

Местом для лагеря избрали узкую площадку в восточной части долины, окруженную скальными россыпями, — последний мало-мальски ровный участок перед крутым подъемом. Камни так густо лежали на склоне, что эльфы едва нашли, где провести коней. Однако деревня, да и почти вся долина оказалась как на ладони — была бы охота смотреть. На расчищенной площадке поставили шатер, нарубили сушняку для костра. Кустарник на самом деле был не кустарником, а уродливыми деревцами^[2]. Тонкие искривленные стволы стелились по каменистой земле, сплетались между собой, но даже мертвыми сопротивлялись руке и топору упорнее, чем ветви могучих деревьев. Нетрудно было угадать, что за сила гнула их и скручивала, не давая подняться, — ветры, дующие с вершин, и страшные снегопады. Со здешней зимой шутки всегда были плохи, а века черного владычества сделали ее нрав еще свирепей. Как водится, первыми пострадали деревья и

травы — ни в чем не виновные подданные Йаванны.

По воду пошли втроем: сам Тингрил, Элуин, даже в соседстве с орками не забывший свои обязанности кашевара, и Нарендил, которому не терпелось напоить коней. Работа получилась неприятной. К удивлению и досаде всех троих, у источника было полно орков, вернее, орок, женщин, — числом никак не менее пятнадцати, не считая детенышей при них. Орки, видно, обеспокоились, не наложили бы чужеземцы жадных лап на вонючую утварь, затопленную в ручье. Беспокойство пересилило страх, и каждая пришла за своим добром. Теперь они толклись на бережку, щерясь от слишком яркого вечернего света, отпихивали друг дружку, царапались и приглушенно бранились; одна волокла из воды тяжелый котел, подцепив его палкой и охая от натуги, другая пыталась пролезть низом, между топчущихся ног, никак не могла дотянуться до своего горшка и получала только пинки... Эльфы подошли уже совсем близко, когда одна из орок случайно подняла на них глаза и испустила знакомый визг. Пять или шесть тварей кинулись прочь, остальные рухнули на землю, прикрывая головы руками. Но Тингрил снова прокричал: «Мы не тронем вас!», и они вернулись к прерванному занятию.

— Вот это и есть женщины орков? — спросил Нарендил, наполняя водой кожаное ведро. Тингрил молча кивнул.

— Удивительное дело, — улыбнулся Элуин, — я и не думал, что у них есть женщины. У орков... Многие говорят, что орки рождаются из камня, вроде гномов...

— У гномов тоже есть женщины, — насмешливо сказал Тингрил. — Весьма достойные леди, не в пример этим тварям.

— Ты шутишь, предводитель? — ошеломленно спросил Элуин.

В его роду покои веков не любили гномов и брезговали любыми известиями о них.

— Нет.

— Женщины гномов... — пробормотал Элуин, осторожно погружая в воду второй котелок. — Надеюсь, хоть с ними-то меня судьба не сведет.

Воды нужно было много. Спустились к источнику еще раз, а потом еще. Орки перестали бояться и загомонили вовсю. Было похоже, что они все время ссорятся, враг их знает, за что, — то ли за прежнее, то ли сейчас посуду не поделили, — но кричали все сразу, неумолчно и пронзительно, словно чайки над лодкой рыбака.

Теперь их можно было хорошо рассмотреть. Женщины-орки оказались во всем достойны своих господ и повелителей. Безобразные, длиннорукие, косматые и раскосые, со шрамами и кровоподтеками на темных лицах, не разберешь, молодые или старые. Золотоволосых среди них не было, но, на удивление младшим эльфам, попадались орки со светлыми гривами: не то русые, не то грязно-седые. Все они, подобно оркамвоинам, носили штаны и куртки, грубо сшитые из кусков меха. Одни были босы, другие — в тяжелых башмаках, похожих на лошадиные копыта. На многих были украшения — костяные и золотые. Странно выглядели грязные пальцы, унизанные драгоценными перстнями. «Они бы и рады обменять свои игрушки на мясо и хлеб, да слишком далеко до тех мест, где с ними поменяются, — сказал Тингрил. — А золото эти будто бы не служившие Мордору, само собой, добыли на войне». У двух из них были совсем маленькие детеныши, у одной — привязанный к спине, у другой — к животу.

Плач орочьих младенцев вторил воплям орок и вертящихся у тех под ногами орчат. В глазах темнело от пронзительных криков и дурного запаха. И тут одна из них, поймав взгляд Нарендила, что-то сердито крикнула, подхватила с земли небольшой камень и швырнула в

него. Эльф едва успел отклониться в сторону. Другие орки последовали примеру зачинщицы. Камни один за одним рассекали воздух, сопровождаемые злобными выкриками.

— О чем они кричат? — спросил Элуин.

— Хотят, чтобы мы ушли, — ответил Тингрил. Камни будто сами огибали его и, похоже, он нисколько не растерялся. — Поносят нас.

— Это безумие, — сказал Нарендил, — они видят, что мы вооружены, и все-таки нападают... — Но едва он, произнося эти слова, взглянул на рукоять кинжала у пояса, каменный дождь сошел на нет и несколько орок даже отбежали в сторону, надев горшки на головы.

— Нет, Нариндол, — усмехнулся предводитель, — это не безумие, это орочья злоба. Тьма ведет их как бешеных собак — но до поры, пока нет угрозы их жизням.

Однако не все орки бежали. Не успел Тингрил договорить, острый камень ударил Нарендила в плечо у локтя. Тот невольно схватился за ушибленное место, и еще один камень разбил ему костяшки пальцев. Боль и гнев застлали эльфу глаза, он сделал шаг в сторону орок — но тут же остановился. Что с ними делать, не кинжал ведь пускать в ход? Ударить? Но разве не этого хотят они сами — учинить драку? Притом, они женщины, хоть и орки, но все-таки женщины... Между тем орки неверно истолковали его нерешительность и развеселились пуще. Камни снова полетели часто, выкрики стали насмешливее, не утратив при этом злобы. Нарендил как потерянный вглядывался в хохочущие хари. Тингрил молчал. Элуин, видимо, тоже растерялся. Но надо ведь было сделать хоть что-нибудь этим подлым тварям, чтобы прекратить их торжество! Гнев иногда бывает на пользу. Нарендил больше не раздумывал, все вышло само собой. Он увидел среди орущего сброда орку-вождя: совсем небольшая и тощая, но горластая, эта вопила вроде бы на слово впереди прочих, — те повторяли, гогоча, все, что она выкрикивала первая. Нарендил сам не заметил, как очутился рядом с ней и ухватил за шиворот. Остальные шарахнулись в стороны, но эта не смогла увернуться, и Нарендил, цедя сквозь зубы самые ужасные проклятья Сумеречья, поднял ее и сунул в воду, словно собаку:

— Остынь, дочь Мордора!

Глубины хватило, чтобы окунуть ее с головой, придавив заголовком. От неожиданности, или же от резкого холода, она не сопротивлялась. После этого Нарендил счел себя отмщенным. Уже спокойно он вытащил мокрую тварь на берег и разжал руку.

Орка упала на четвереньки. Она кашляла и плевалась, вода струйками стекала со слипшихся волос, капала с одежды. Но когда она подняла лицо, эльф отшатнулся. Давно он не видал подобного бешенства — орка пылала и корчилась, как сосновая ветка, охваченная огнем. Другие орки, по своему обычаю, хохотали над ней — и даже они на мгновение притихли, едва девчонка обернулась; но тут же опять загалдели, показывая пальцами.

Мокрая орка в ярости швырнула несколько камней, ни в кого не попав. Зато к ней вернулся дар речи, и она вновь принялась орать. Нарендил понял, что орка обращается к нему. Орка выговаривала слова быстро и четко, в голосе ее звучало злорадство. Но нельзя было понять, о чем она говорит (оттого, вероятно, что Вестрон Мглистых гор еще в конце Третьей Эпохи перестал ходить на Всеобщий язык других племен). Как будто бы о конях: похожее слово слышалось несколько раз... Орочья шайка прислушивалась с явным одобрением. Слова сопровождались жестами, но и среди них не попадалось ни одного понятного. Орка то скрещивала руки каким-то особым образом, то сплетала пальцы, может быть, изображая мордорские руны, — и похоже было, что она изо всех сил старается сказать

эльфу о чем-то. Наконец она указала направление — широкий взмах вытянутой руки наверняка означал именно это: юго-восток, запад и снова юго-восток. Нарендил оглянулся на предводителя. Тот сразу же спросил с легким раздражением:

— Долго ты будешь внимать мордорской крысе?

— Мне кажется, она говорит о чем-то важном, — сказал Нарендил, — может быть, нам угрожает опасность, она показывает на восток... — Он осекся, услышав смех Тингрила.

— Ты забыл, что я понимаю их язык. Это наречие не совсем похоже на то, которое я изучил поневоле, но суть уловить можно. Она на разные лады поносит тебя.

— Я так и думал, — сказал Нарендил. — Но она чему-то радуется, и все остальные тоже. Может быть, ты не все понял?

— Прекрасная дева орков, — традиционная формула вежливости переводчиков прозвучала в устах Тингрила ядовитой насмешкой, — желает сказать тебе, о Нарендил, что мать твоя — дохлая лошадь, а отец — грязный равнинный орк. Она указывает на равнины запада, дабы слушатели получше усвоили особенности твоей родословной, а юго-восток — это путь, которым ты, по ее мнению, будешь идти. Радуется она своему остроумию, и все остальные — тоже. Довольно с тебя?

— И больше ничего?..

Тингрил улыбнулся невесело, как он один умел.

— Еще много чего, да все про то же. Она прокликает тебя по всем правилам красноречия, принятым у ее народа: упоминает твоих предков, твоих потомков, твоих женщин, всех эльфов вообще. И язык у девчонки на редкость гнусный. Надеюсь, ты разрешишь мне не переводить это во всех подробностях?

— Я не могу понять... — медленно произнес Нарендил. — Странные твари...

Он никак не мог оторваться от созерцания сквернословящей и торжествующей орки. В этот миг ему и впрямь хотелось постигнуть, каково это — быть одержимым черной злобой, которая заставляет изрыгать бессмысленные ругательства и радостно смеяться им. С легкой улыбкой на застывшем лице вглядывался эльф в косматую девчонку, что подпрыгивала перед ним в такт словам, — теперь она выкрикивала нечто вроде песни, должно быть, родословная Нарендила перешла в баллады. Но вдруг она умолкла и сама уставилась на эльфа, словно бы пораженная новой мыслью. С досадой что-то крикнула остальным. Орка уразумела наконец, что ее усилия пропадают даром, ибо предмет восхвалений не понимает ни слова. То-то он так улыбается!

— Ты... ты, ты, — заговорила она опять, — ты — падаль! Ты — навоз!

— Ойе! — воскликнул Элуин. — Как же это?

— Она говорит на чистом Вестроне, — сказал Тингрил, с прищуром глядя на орку, — женщина... Кто теперь скажет мне, что они не воевали? На таком Всеобщем их порода беседует только с пленными!

Он подхватил котелки и быстро зашагал вверх по склону. Младшие эльфы последовали за ним.

Вечер ничем в сущности не отличался от других вечеров в пути. Эльфы развели костер, напоили коней водой, когда она степлилась. Смолистый аромат горящего можжевельника пересилил чады и смрады деревушки.

После ужина не пели — сидели возле костра и беседовали. В темном небе над головами эльфов, над зубчатым краем гигантской чаши, загорелись яркие звезды. Разговор сам собой обратился к преданиям Предначальной Эпохи, к берегам Куйвиэнен, к первым дням славной

и горестной истории Арды. Вспомнили тех несчастных, которых похитил Черный Всадник. Они исчезли в темницах Утумно, а спустя годы черные врата распахнулись, и оттуда вышли полчища орков — так поется в песнях, так говорят Мудрые.

— Но возможно ли, чтобы орки были родней квэнди?! — горячо вопрошал Имлас. — В них все омерзительно, они во вражде со всем миром и с Детями Эру... Это не может быть правдой!

— Ты говоришь, это невозможно? — негромко сказал Келион. — Но разве в истории квэнди не было места отвратительному и темному? Вспомни хоть о Феаноре, если не сыщешь более новых примеров.

— Ты равняешь принца нолдор со зловонными орками, — Имлас сказал это излишне резко, — он, подобно многим другим, почитал Создателя Камней превыше всех героев прошедших эпох.

— Я не говорил этого, — отвечал Келион. — Но в самом деле, когда Феанор покинул Альквалондэ, Валар отвратили свои лица, как от любого деяния орков, — лишь с большей печалью, наверное.

— Как ты можешь сравнивать, — горько сказал Имлас и замолчал, не продолжив.

— Тебе, Келион, и вправду следует поискать других примеров, — заметил Нарендил. Ему тоже нравился Феанор, но, восхищаясь тем, кто владел столь многим, он и жалел того, кто столь многое потерял. — Нельзя смешать тьму со светом. Пламенный Дух был светел, орки же — дети Черного.

Келион пренебрежительно усмехнулся.

— Нельзя смешать тьму со светом? Ты ведь не скажешь, друг Нариндол, что я первый пытаюсь это свершить! О таком смешении повествует добрая половина наших песен и сказаний.

— Маэглин глядел на Идриль — и ждал,
и любовь в его сердце становилась тьмой... —

вполголоса пропел Элендар. — Да, как будто ты прав. Но начало этой истории не здесь.

И кто расчислит пути зла, что приходит на место любви?

— Но все же оно приходит, — упрямо и мрачно сказал Келион.

— Сын Марвен говорил верно, — тихий голос Тингрила, как всегда, заставил эльфов взглянуть на говорившего.

Сын Марвен был Нарендил. Марвен с Эйфель Даэн изо всех дочерей Сумеречья была наиболее искусна в сложении песен. Тингрил прожил у нее несколько дней, когда вернулся после освобождения из плена. Затем он снова уехал за войском. Нарендил в эти дни был в Южном Сумеречье, с отрядом лучников, — с тех пор как Тьма пришла в движение и до самой гибели Кольца ему нечасто случалось бывать дома. Марвен рассказала сыну о странном госте немного. Он не был им родней, не могло быть речи и о любви — Марвен по сей день помнила отца Нарендила, погибшего в последний год Бдительного Мира. Тингрил после войны не появлялся в доме у Эйфель Даэн. Уже на пути к Мглистым горам Нарендил узнал, что предводитель и есть тот самый Освобожденный Пленник, гостивший у матери. «Сын Марвен» звучало похвалой, которую Нарендил принимал с удовольствием: мать он любил и гордился ею.

— Нариндол прав, — продолжал Тингрил, — в том, что орки — дети Черного. Быть может, правы и Мудрые, и Проклятое Племя пошло от эльфов, которых похитил Моргот. Только с тех пор наши пути разошлись так далеко, что проку нет толковать о родстве. Они

не дети Эру и нам не братья. Что с того, что иные квэнди жестоки и несправедливы? Орел с перебитыми крыльями не станет гадюкой, падший эльф не станет орком.

— Верно! — воскликнул Элендар. — Какова бы ни была их история, ныне имя им — орки. Вы взгляните на них — где тут родство?

— Тяжелое наследство мы оставляем Смертным, — ни с того ни с сего вымолвил Келион.

С тем они и отправились спать. В шатре теплые одеяла и несколько часов блаженного покоя ожидали всех, кроме Элуина, часового. Караулить в свой черед предстояло всем — в здешних местах бывает опасно спать, если некому разбудить.

Дальнейшее касается одного Нарендила Рыжего. Его очередь была за полночь, в самую темную пору. Луна едва прибывала, и августовские звезды светили ярче нее. Нарендил с луком через плечо прохаживался вокруг лагеря. Можжевеловый дым ел глаза. Нарендил прислушивался к ночным звукам: дыхание коней, пощелкивание и трески угольев, далекое журчание ручья в камнях... Ночью ожила орочья деревушка. В каждой землянке горело по костру: то ли они еду варили, то ли пытались согреться. Тяжелый зловонный дым расползлся по склону, но лишь изредка дотягивался до высоко расположенного лагеря. Зато звуки были слышны отменно: визгливые крики, плач, торжествующий рев победителя в драке... Потом грянули песню в несколько голосов, заухал барабан, и звуки его преследовали Нарендила даже в шатре, когда его сменили. Зачем им барабан, думал он, неужели они танцуют? Почему-то эта глупая мысль не давала ему покоя.

Он не мог уснуть — на грани забытья лепились из темноты хохочущие рожи орок. Все они были безобразны, каждая по-своему, и черты их расплывались, искажались, становясь еще уродливее, пока не теряли последних примет разумного существа, — и это было так мучительно страшно, что Нарендил, вздрогнув, сбрасывал пелену кошмара и видел темный купол шатра, слышал дыхание товарищей, легкие шаги часового и упрямый барабан. Затем все повторялось вновь. Самым ужасным было то, что орки в его сне говорили на Квэния, на высоком наречии^[3]. Он забыл фразу, повторенную несколько раз, помнил лишь слово «аурэ».

Когда он снова открыл глаза, сквозь полог пробивался розовый свет. Нарендил подумал, что ему сегодня больше не спать, и осторожно, чтобы никого не разбудить, выбрался наружу.

Его встретило ясное горное утро. Свет и ледяной ветер текли в долину, будто ледяная вода здешних речек. Дым, застигнутый врасплох, тянулся ключьями по земле и пропадал. За восточными хребтами вставала заря цвета раскаленного железа, яркая подстать холоду. Проклятая деревня уснула, барабан наконец молчал.

Утро было прекрасно, и Нарендил решил спуститься к воде, сполоснуть лицо, чтобы прогнать последние тени дурной ночи. Он помахал часовому — это был Элендар — и, прихватив котелок, направился вниз по склону.

Он не рассчитывал встретить орков, ведь солнце уже всходило, слепящее солнце, которого они боятся больше всего. Но все-таки, огибая скалу перед ручьем, он замедлил шаг. И не зря. На берегу кто-то был, одинокая маленькая фигурка, на корточках хлопочущая над чем-то. Нарендил плотнее завернулся в плащ и прижался к скале. Их разделяло не более двадцати шагов, и солнце светило ему прямо в затылок, делая его почти невидимым и позволяя в то же время внимательно рассмотреть неизвестное существо.

Оно было маленькое, тощее и быстрое в движениях. Конечно, орк. Ох нет — орка! Он поспешно отвернулся. Орка сняла свои одежды, полагая, что никто ее не видит. Ишь,

сверкает своей красотой на лигу вокруг, — другие орки попрятались, некому на нее любоваться... Но почему она-то не скрылась от солнца? И что она здесь делает? Собирается мыться? Не может этого быть. Они никогда не моются. Тем паче в горном ручье, ранним утром, когда и одетого дрожь пробирает... А может, она колдует?

Говорят, есть в Искаженной Арде многое, о чем лучше совсем не знать. Но Нарендилу не всегда удавалось вовремя вспомнить эту мудрость. Даже орки порой внушали ему интерес, побеждающий отвращение. Конечно, подглядывать за женщиной — занятие для лиходея, говорил он себе. Но ведь она не эльф и даже не человек. И я не с дурными помыслами. И потом, для нее самой эльф — не равный ей, а так, вроде кэлвар. Да она и не узнает, что я на нее смотрел...

Знал Нарендил, что эти оправдания лукавы. Но желание выведать секреты орочьего колдовства победило укоры совести. Он снова выглянул из-за скалы.

Орка была очень худа, и мала ростом — повыше полуросликов, а эльфа пониже на локоть. Мелкие орки не так безобразны, как крупные, — в пещерах им не приходится сгибаться в три погибели и опираться на руки, и у них не бывает горбов и длинных медвежьих лап. Однако изящества и красоты ей весьма недоставало, так что и не сразу можно было распознать в ней женщину. И волосы ее были коротко обрезаны, черными клочковатыми космами, будто она надела гномью меховую шапку. На груди у нее мелькало что-то белое, непонятный амулет на короткой цепочке. Сидя, как сказано, на корточках, она что-то делала со своими одежками. Потом встала (Нарендил зажмурился от смущения, но тут же открыл глаза). Сделала два быстрых шага к воде. Заколебалась на мгновение — и прыгнула в бочажок, где вчера лежали котлы. Со звонким шипением, подобным змеиному, орка присела в воде, окунувшись с головой. Безумная тварь, подумал Нарендил, холод убьет ее... Но она уже выскочила на берег — одним лягушачьим прыжком. (Эльф у скалы прикрыл рот ладонью, чтобы смехом не спугнуть ее). Орка подскакивала и притоптывала, шумно переводя дух и вздрагивая так, что брызги летели с мокрой головы. Теперь он видел ее странное лицо — темные щели глаз, черные брови, взведенные вверх, к вискам, как ветви у письмен Даэрона, и белые оскаленные зубы.

Он подумал, что теперь она оденется, чуть обсохнет, — но нет, только обтерлась ладонями и опять присела у своего тряпья. Развязала какие-то узлы. Что-то зачерпнула в горсть и втерла в кожу, и снова зачерпнула. Серый порошок, летящий крупинками по ветру. Скоро вся она стала серая, как камень. Странные чары наводят орки. Что это может означать?... Додумать он не успел — орка снова прыгнула в воду и заплескалась, отмываясь, и снова вылетела на берег как ошпаренная. На вид она несколько не изменилась. Да зачем же она все это проделывала, вражья дочь?!

Орка тем временем полоскала свою одежду, и Нарендилу показалось, что по воде плывет та же серая пыль. Да полно, чары ли это? Может, в деревне поветрие, и таким путем они избавляются от заразы? Тогда почему она одна — остальные не знают? Или не хотят?.. Мокрые мохнатые штаны она сразу же натянула на себя. Эльф содрогнулся, подумав о сырой холодной шкуре, но орка повеселела, даже скалиться перестала. Губы ее шептали что-то — не то заклятия, не то проклятия.

Надев куртку и застегнув грубые пряжки, она принялась собирать то, что разложила на берегу. Нарендил понял, что сейчас она уйдет, и орочья тайна останется неразгаданной. Нет, этого допустить нельзя. Надо попытаться заговорить с ней, а там уж как выйдет — если своей охотой не расскажет, поймаю, а убежит — так убежит... Нарендил вышел из-за скалы

и тихонько звякнул котелком.

Орка, не издав ни звука, стремительно метнулась в сторону, и тут же упала — должно быть, ногу свело. Упала неловко, вперед, и безжалостно замолотила руками по онемевшему бедру, злобно всхлипывая и шипя, как вода, пролитая в очаг. Звериная гримаса, в которой смешались боль и бешенство, делала орку похожей на рысь в ловушке, недоставало только прижатых ушей, и когда Нарендил подумал об этом, ему померещилось превращение — полосатая шерсть на лице, когтистые лапы вместо судорожно сжатых кулаков... Самое зловещее из наваждений Сумеречья предстало перед ним воочию, и, как ни стыдно признаться, его охватил страх. Но тут она умолкла, застыла без движения, точно увидела что-то, затем спокойно уселась прямо на землю и принялась гладить и растирать ногу, не сводя с Нарендила подозрительных глаз.

— Прости, что причинил тебе беспокойство, — сказал Нарендил на Всеобщем языке, стараясь говорить как можно более внятно и не трогаясь с места. — Я только хотел набрать воды. Могу ли я тебе помочь?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Поганый эльф, — сказала орка. Слова Всеобщего языка она выговаривала с странным акцентом. И тон был странен, как будто она не обругала его, а просто поздоровалась, или сама для себя отметила его появление. Теперь он наконец-то узнал ее: это была та самая, вчерашняя, которую он окунул в ручей. Тот же голос, похожий на крик чайки, то же сердитое лицо под шапкой волос.

— Ты меня не бойся, — сказал он.

— Я тебя не боюсь, — злобно ответила орка, уставившись в сторону. Короткий вздернутый нос и длинный подбородок, выдвинутый вперед, придавали ей надменный вид. — Ты грязный вонючий эльф. Чего это я буду тебя бояться?

— А кого ты боишься?

— Я?! Я никого не боюсь! — она резко повернулась к нему, оскалившись и прижав верхнюю губу к носу. — Я — воин, а вы все — навоз!

— Ты — воин? — с улыбкой спросил Нарендил. — А разве женщине пристало быть воином?

— Говори дальше, эльфийская падаль, — угрожающе-спокойно сказала орка, — и этот камень войдет тебе в рот.

Вот злющая тварь, — подумал Нарендил. Но я и в самом деле никогда не видел их женщин на поле битвы. Почему она обиделась?

— Я чем-то обидел тебя?

— Уходи отсюда, — был ответ, — или получишь камнем.

Но Нарендил решил не отступать.

— Может быть, ты затаила гнев за вчерашнее? — осторожно спросил он и сделал маленький шаг вперед. — Я и вправду обошелся с тобой грубо, но ты ведь попала в меня камнем, плечо до сих пор болит.

Орка ухмыльнулась и кивнула.

— Да! Я попала в тебя камнем два раза. Теперь будешь знать мою силу.

Нарендил не выдержал и расхохотался. Поистине, наглость орка не знает предела! Ей напоминают, как ее окунули в воду, а она хвалится своей силой!

Камень он сумел поймать — плоский кусок гранита величиной с ладонь. Орка тут же вскочила и впилась глазами в его руку, готовая прыгнуть в сторону. Нарендил взглянул на нее

и небрежно уронил камешек.

— За что ты так сердисься на меня, маленькая орка? — спросил он. — Разве я враг тебе?

— Все враги мне, — коротко ответила орка и добавила: — Длинный тупой эльф.

Такого он не ожидал даже от орка.

— Ты думаешь, что у Четырех Племен нет других дел^[4], кроме как враждовать с тобой? — спросил он язвительно.

— Да, у вас есть другие дела, — в тон ему отвечала орка, — у тупых дел всегда много. Тогда-то я и могу сделать что нужно и убежать.

Нарендил помолчал, сраженный этим объяснением. Потом сказал:

— А все-таки я тебе не враг. Мне нет надобности причинять тебе зло. — Чудно говорить такие слова орку, но ведь это правда — мы всего лишь разведчики... — Могу поклясться...

— Эльфийские клятвы — навоз. Эльфы клянутся и врут.

— А орки не врут?! — Клятвопреступником Нарендила еще никто не называл. — И много ли эльфов тебя обмануло, ты...

— Меня не обманешь. Я хитрая. А орки тоже, конечно, врут. Ты этого не знал, тупой эльф? И не шагай больше ко мне, а то... узнаешь, что будет.

Все-таки она была слишком смешна в своей надменности, чтобы долго на нее сердиться.

— Скажи лучше прямо, что ты меня боишься, — посоветовал Нарендил, наклоняясь и глядя в глаза сердитому созданию. — Скажи правду: боишься, что подойду к тебе? Я не буду...

— Я?! Я тебя?! — орка задыхнулась от возмущения, застучала кулаком по земле. — Я не боюсь поганых эльфов. Подходи себе, все равно не поймаешь!

— А я и не буду тебя ловить, — сам того не заметив, Нарендил уже разговаривал с ней как со своенравным ребенком, а не как с хитрой и коварной дочерью тьмы. Впрочем, орка и вправду выглядела очень юной — не всякий с ходу угадает возраст птицы, зверя и орка, но эта была совсем девчонка, и только злость и самонадеянность делали ее старше. — Еще одежду об тебя запачкаешь. Ты же вся перемазана. (Орка быстро оглядела себя, но ничего не ответила). Скажи мне, орка, зачем ты натиралась этим порошком?

— Ты следил за мной!.. — орка схватила камень.

— Я не следил за тобой, а увидел нечаянно. Но я не понял, зачем.

— Это и не твое дело, эльфийское отродье.

— Отчего не мое? Я знаю о чарах не меньше любого орка.

Но такое колдовство вижу в первый раз.

Неожиданно орка рассмеялась.

— Ха, правду я сказала, что ты тупой и грязный! Ты даже не знаешь, как очищаются! Вы, эльфы, так и ходите год за годом все в навозе!

— Так, значит, ты мылась?! — Нарендил не смог скрыть удивления: орков он повидал, и в бою, и пленных, но скорее встретишь серую кошку королевы Берутиэль, чем орка, возжелавшего быть чистым.

— Я очищалась, — важно сказала орка. — Зола из костра сжигает все, кроме тела. Вода уносит золу. Теперь у меня нет ни следов, ни запаха. Я сгорела в том костре. Остался только дым. А на дым никто не охотится.

Пока орка говорила все это, она в упор и с торжеством смотрела на Нарендила. И он разглядел ее глаза — раскосые, затененные косматыми волосами, но большие и широко открытые, не щелочками, как ему сперва показалось. И не темные, а зеленые, — не эльфийской яркой зеленью, белесые, цвета лишайника на старом стволе или сосновой хвое, со зрачками крошечными, как черные звезды. Настоящие глаза Проклятой — не кэлвар, но нечто подобное кэлвар... Когда она сказала про запах, Нарендил вспомнил, что орки обладают звериным нюхом, вспомнил, как эти твари тянут носами, ожидая нападения или готовясь напасть. Значит, она отмывалась, чтобы ее не учуяли, только и всего. Но смывать запах в горном ручье, который леденит кровь и вертит камушки под ногами, — на это можно решиться в еще большей опасности...

— А кто охотится на тебя? — спросил он.

— Вонючий Магорх и его паршивые холопы, — орка снова оскалилась. — Магорх пришел из Мордора, и они его боятся. Он падаль. Зря вы не убили его на равнине... Ты хочешь убить его? Он убил много ваших, — в лице ее изобразилось особое равнодушие, какое у хитрых животных означает тайный умысел. — А многих мучил по-всякому...

— Нет, я не убью его.

— Э! Ты тоже падаль. Что и взять с поганого эльфа?!

— Зачем ты этому... Магорху? Зачем он тебя ловит?

Орка сплюнула в источник.

— Сам догадайся, тупой эльф!

— Он... хочет тебя съесть? — с запинкой выговорил Нарендил. Подобное лихое действо было вполне в духе орков, но она опять рассмеялась, хоть и не так весело.

— Ну и дурак ты, эльф, — в подтверждение его дурости она звонко постучала камнем по камню. — А может, и не дурак. Магорх, он и сожрет потом... Но он меня не поймает! Е жизнь свою вонючую он меня не поймает! — с такой яростью она это прошипела, что снова стала похожа на дикую рысь. — Этот кусок навоза не вылезет из своей вонючей ямы, пока в небе огонь. Он поганый трус.

Положив левую руку на глаза и глядя сквозь пальцы, орка показала правой на восточный горизонт. Солнце уже вышло из-за вершин, тени вытянулись на уклоне, и воздух потеплел.

— Я думал, что все орки боятся солнца, — медленно проговорил эльф, наблюдая, как она морщится от яркого света. — Почему ты не боишься?

— А почему я должна бояться? — с вызовом спросила она. Ладонью вытерла слезы. — Пусть тупые боятся. Огонь, понятно, большой, и жара много, и глаза ест. Но он далеко и сюда не придет?! — Она ухмыльнулась и добавила что-то на своем наречии — будто две строчки из песенки.

— Что ты сказала? Я не понял.

— Эх ты, убогий эльф. У нас говорят... — задумалась, ища слова, — ...говорят так: «Лучше большой пожар в пяти милях от тебя, чем маленький огонь под задом у тебя».

Нарендил улыбнулся изречению неведомого оркского мудреца и снова спросил:

— Где это ты так хорошо выучила Всеобщий язык?

— На войне, конечно. Где еще можно выучиться Всеорчему языку?

— Ты была на войне?!

Орка насупилась.

— Хватит тебе спрашивать, хитрый эльф. Кто много знает, того много бьют. — Она

подобрала с земли узелок с остатками золы и сунула за пазуху — Нарендил опять заметил белый амулет и золотой блеск на нем, но так и не понял, что это.

— Куда ты пойдешь теперь?

— Я говорю тебе, кончай спрашивать! Спрячусь так, что тебе не найти! Наворую еды в деревне, пока навозники спят...

— Зачем же тебе воровать? — удивился эльф.

Орка уже уходила, но от такого вопроса остановилась и взглянула на Нарендила через плечо своими неразумными глазами.

— Затем что жрать хочется, ты, каменная башка! Я без еды подохну! Понял?

Значит, другие орки не дают ей пищи. Неужели и вправду все они ее враги? Орка меж тем сочла разговор оконченным и рысцой побежала восвояси.

— Стой! — негромко крикнул он, но она даже не оглянулась и перешла на бег. — Да стой же! Мясо есть будешь?

Тут она встала как вкопанная. Всем в отряде полагалось всегда брать с собой кинжал, фляжку и мешочек с запасом пищи. Мало ли что может случиться в этих диких краях; отойдешь всего на пол-лиги от своего шатра, а вернуться не сможешь. Нарендил достал кусок вяленого мяса и, протягивая орке, попытался подойти. Но она отпрыгнула. Глаза ее, однако, так и заблестели, а худое лицо еще больше осунулось от напряжения.

— Возьми, — сказал Нарендил. — Это тебе.

— Орка шагнула было к нему, но тут же отпрянула и спрятала руки за спину. Потом сердито сказала:

— Хочешь, чтобы я взяла, — положи мясо на землю, а сам отойди!

— Твоя воля, — без улыбки сказал Нарендил. Выбрав камешек почище, он положил на него кусок и отошел назад. Орка сперва будто не обратила внимания. Она, казалось, раздумывала, не уйти ли. И вдруг она в три прыжка подскочила к камню, схватила мясо, сунула его в рот и тут же во весь опор понеслась прочь, к восточному склону. Нарендил смотрел ей вслед. Орка улепетывала с невозможной быстротой, не бежала, а катилась, как жухлый лист, гонимый ветром. Падая с ног, она помогала себе руками, он отчетливо разглядел это — некоторое время скакала галопом на четвереньках, затем переходила на двуногий бег. Когда она скрылась среди скал, Нарендил зачерпнул воды в котелок и медленно пошел обратно.

Мысли его были смутны. Он укорял себя за бесцельное любопытство: одно дело — выполнять свой долг разведчика, и совсем другое — неизвестно зачем интересоваться гнусной жизнью гнусных созданий. Но теперь он не чувствовал ночной тоски и отвращения. Что-то изменилось вокруг — то ли тепло и прибывающий свет были причиной, то ли звуки пробуждения в лагере, голоса, приветственное ржание коней, — черные чары рассеялись, и на душе у Нарендила стало легче. Правда, не сказать, чтобы спокойнее. Было так, будто он ждал ответа на вопрос или, может быть, исхода битвы.

Жизнь в лагере текла обычным порядком, словно никакой орочьей деревушки в помине не было. Только Келион, очередной часовой, с луком и колчаном обходил лагерь. Расседланные кони спокойно паслись. Как видно, ночь в долине не повредила ни им, ни их хозяевам. Элендар снял чехол с легкой арфы и настраивал ее, Имлас поднимался по крутому, почти отвесному склону в поисках гномьего корня, Элуин возле подвешенного над огнем котла расстелил плащ и улегся навзничь — высоко над ним в синем небе сновали стрижи. Других птиц в долине не водилось, но до стрижиных гнезд никакой лиходей не доберется, и

голоса их звенели в воздухе, как флейта Сулимо. Тингрил сидел у шатра, склонясь над картой.

— Я встретил орку у источника, — сказал ему Нарендил. — Только что.

— После восхода? — слегка удивился Тингрил. — И что ж они, за целую ночь еще не всю утварь унесли?

— Нет, — с запинкой ответил Нарендил. — Я понял так, что ее изгнали из деревни. — А, обычная история. Когда злоба Проклятых не находит выхода, она обращается против них же. Вспомни старика.

— Но это бессмысленно, — сказал Нарендил. Он все не мог понять, что его тревожит. — Они нарушают законы Арды...

— Вот так открытие! Станут ли твари Моргота блюсти законы Арды? У них свои законы, и, благодарение Валар, не по ним ныне живет Арда. Ибо это законы гибели.

— Так они уничтожат сами себя? — воскликнул Нарендил. — Прежде мне это не приходило в голову. Не мы, не Люди, а они сами...

— О том, что будет, знает Намо Мандос, — отвечал предводитель, — но я не вижу другого исхода. Проклятые должны сгинуть, — мрачная тень прошла по его лицу, воспоминание о черных делах, и он добавил: — Рано или поздно...

Временами неловко было беседовать с Тингрилом. Словно не просто усталость прошедшей войны и неминуемой разлуки угнетала его — словно и вправду из вечных сумерек Мандоса он глядел на собеседника, столь безрадостной была его мудрость. Нарендил забыл про орков и попытался развеять печаль предводителя, сказав первое, что пришло в голову:

— Рано или поздно не слетел бы со скалы наш собиратель кореньев! — На узеньком карнизе локтях в пятидесяти от земли Имлас стоял на коленях и всю орудовал кинжалом. Мешок его лежал брошенный внизу в кустарнике, и стрижи подобно стрелам проносились у самой его головы. — Не могу понять, зачем такому удалцу гномий корень — если его сила и ловкость удвоятся, не будет ли вреда?!

Нарендил достиг цели — Тингрил усмехнулся, и скорбь Мандоса исчезла из его глаз:

— Пожалуй, ты прав, Нариндол. Заставим его до окончания похода отдать корень Элуину. Садись со мной, посмотрим, как будем возвращаться. До Западного тракта двадцать лиг по прямой...

Достичь тракта и повернуть к месту сбора отрядов они не успели — изучение карты было прервано воплем Элуина:

— Орки! Нападение! Эй, все сюда!

У костра Элуин и подбежавший к нему Элендар боролись с кем-то, кто отчаянно вырывался. Келион уже стоял на высоком камне, со стрелой на тетиве. Имлас торопливо спускался, хватаясь за кусты.

— Ах ты вражий сын! Берегись, он кусается!

— Обнаглели, сауроновы твари! Все-таки приползли, посмели!

— Больше никого нет! Он был один!

— О Элберет! Это же девчонка! Вот и подвеска на шее...

— Хороша девчонка, рычит как раненый тролль в ущелье!

— Ты полегче, ногу ему не оторви!

— Будет так биться, сам себе оторвет!

— А-а, мордорский щенок! Руку... руку прокусил!

Нарендил увидел ее — все ту же, давешнюю орку. Эльфы крепко держали ее на весу, за руки и за ноги. Она бешено дергалась и мотала головой, пытаясь дотянуться зубами до чьей-нибудь руки, и в самом деле издавала жуткие звуки, похожие на рычание.

— Как ее схватили? — спросил Нарендил. Орка затихла, узнав его. Ответил Элуин:

— Мясо она хотела украсть. Я резал коренья в похлебку, вдруг вижу — крадется, как змея. И прямо к мешкам. Я схватил ее, тут подбежал Элендар... Но дралась она, как десять бешеных уруков!

— Келион! — окликнул Тингрил часового. — Как случилось, что она прошла мимо тебя? Или ты воображаешь, что мы стоим лагерем в миле от Дворцовых Ворот?

— Мимо меня никто не прошел бы, предводитель, — глаза Келиона сверкнули, но голоса он не повысил. — Не держать мне больше в руке меча, если тварь пришла из долины.

— Так она спустилась с гор? — воскликнул Имлас.

— Пожалуй, она не за мясом пришла, — медленно сказал Тингрил, разглядывая пленницу. — Ее могли послать те, кто скрывается в горах.

— Нет, предводитель, — сказал Нарендил, — это и есть орка, с которой я говорил у источника — ее прогнали из деревни. А вчера я видел ее там же с другими орками.

— Я узнаю ее, — усмехнулся предводитель. — Не ее ли слова я переводил тебе?

— Да, предводитель, — Нарендил слегка смутился.

— Вижу, что орки не вызывают у тебя отвращения. Утренняя беседа была столь же приятной, как вечерняя?.. Ну хорошо, верней всего, она не соглядатай. Будь она не из деревни, те забили бы ее еще вчера... Похоже, она и вправду просто-напросто воровала.

Эльфы, обрадованные таким поворотом событий, просветлели лицами. Минувшая опасность и безвредный враг всегда становятся смешны. Да к тому же Элуин успел накануне поведать товарищам о сражении Нариндола с горластой оркой, и теперь все заулыбались, даже Элендар с окровавленными пальцами. Только Тингрил по-прежнему молча и пристально разглядывал пойманную орку.

— Как же так, Нариндол? Ты нарочно искал ее общества?

— Вы оба вчера погорячились и решили помириться?

— Могу ли я узнать, чем прекрасная леди заслужила твое расположение — красотой или учтивостью?

— Вы напрасно смеетесь, — сказал Нарендил. — Она голодна. Ее преследуют другие орки, и ей нечего есть.

Никто не нашел, что ответить на это. Исконная ненависть боролась в сердцах эльфов с жалостью к живому созданию, попавшему в беду.

— Ее надо покормить, — продолжал Нарендил. — Не бойся, — сказал он ей на Всеобщем языке, и тут вспомнил, что не знает ее имени. — Ты не бойся. Тебя не накажут.

— Я не боюсь, — ответила орка со всем достоинством, какое было возможно в ее положении. Келион засмеялся.

— Эти твари всегда голодны, — заявил Элуин, не выпуская тощих запястий пленницы. — Не за тем мы тащили сюда еду, чтобы кормить орков. В другой раз ей захочется свежего мяса, так что же мне, ждать, пока она меня прирежет?

— Поменьше болтай, — одернул его Тингрил. — Дешево ты стоишь, если она может тебя прирезать. Она не воин и не соглядатай, а безвредная и убогая тварь. Пусть Нариндол покормит ее, если ему так хочется, — и если раньше она не убежит.

— Не убегай, — сказал Нарендил орке. — Тебя покормят, это приказ командира.

Эльфы поставили орку на землю, и Нарендил взял ее за руку. Снова посыпались шутки:

— Нариндол, а я и не знал, что твоя любовь к кэлвар объемлет и орков!

— А ему нравятся гады — помнишь, в Итил Тонион он подманивал зеленых ящериц?

— Ящерицы никому не делают зла, чего не скажешь об орках!

— Ящерицы красивые!

— А эта леди разве не хороша собой?

— Красавица хоть куда!

— Нариндол, угости свою подружку хлебом! Я одолжу тебе, у меня осталось...

Отряд расхохотался. Всем было известно, что орк лучше помрет с голоду, чем будет есть эльфийский хлеб. Орка тоскливо озиралась, гадая, что ей сулит этот смех. Нарендил все еще держал ее за руку. Ему было немного досадно, но как-никак легче сносить насмешки, чем брезгливое удивление. И в самом деле, разве она не то же, что кэлвар? Может, и смешно, что я жалею ее, но ведь в этом нет ничего дурного...

— Я могу дать ей похлебки? — спросил он Элуина.

— Так и быть, можешь. Но не бери мясо для гостыи из большого мешка.

Тингрил подошел ближе и тихо спросил:

— Тебе жаль ее, сын Марвен?

— Да, Тингрил.

— Что ж, накорми ее. Но кто накормит ее завтра, когда мы уйдем?

Не дождавшись ответа, Тингрил кивнул, будто сказал «сам видишь», и отвернулся.

Нарендил и орка устроились среди скальных россыпей неподалеку от лагеря. Орка села скрестив ноги, в обнимку с котелком похлебки. Сперва она чихала, едва подносила черпачок к губам, — должно быть, от запаха кореньев и душистых трав, — но потом дело пошло на лад. Когда котелок опустел, орка, словно очнувшись, взглянула на эльфа. Тот улыбался.

— Почему вы меня накормили?

— Потому что ты была голодная.

— Что вы будете со мной делать?

— Ничего, — замявшись, ответил Нарендил — вопрос напомнил ему о словах Тингрила.

— Тогда зачем ловили?

— Ты же пришла воровать. Мои товарищи рассердились...

— Но потом они сами дали мне это...

— Я сказал им, что ты голодна.

Орка широко открыла свои выцветшие глазища и обеими ладонями зажала рот. Потом медленно опустила руки — губы ее шевелились, брови подрагивали, хмурясь. Теперь Нарендил рассмотрел амулет, что висел у нее на шее, у ворота куртки. Это была рука, искусно выточенная из кости или белого камня, — узкая изящная кисть, длиной примерно с четвертый палец его собственной руки, обтянутая тонкой сеткой из золотых колечек наподобие кружевной перчатки. К запястью рука истончалась, как капля, сетка же стягивалась к цепочке.

Эта вещь не всегда принадлежала оркам. Но додумать Нарендил не успел — орка наконец заговорила.

— Я не могу разгадать ваших хитростей. Но мы одни, и тебе не угнаться за мной. Я убегу.

— Конечно, убежишь.

— Зачем вы кормили меня? — снова спросила она, и Нарендилу показалось, что она

вот-вот заплачет.

— Ну как ты не понимаешь? Мы, эльфы, жалеем голодных.

Ответом было странное молчание. Орка вся подобралась, и в глазах ее мелькнула тревога.

— Что... вы делаете с голодными? — подозрительно переспросила она. Нарендил догадался, что слово «жалеть» орка спутала с каким-то другим. Или попросту не поняла.

— Эльфы всегда дают еду голодным, — разъяснил он. — Я знаю, что орки поступают не так, но ты лучше не суди об эльфах по своим сородичам...

— Эти мне не родичи! — перебила орка. — Меня увезли из-за восточного хребта. Война на равнинах еще не началась... — Она опять замолчала.

— Скажи мне, как тебя зовут? — Орка молчала. — Мое имя — Нарендил.

— Нарандир, — повторила орка со своим диким выговором.

Эльф рассмеялся.

— Ну, как меня только не дразнили, а такое слышу впервые! Огненный Странник? Почти что барлог...

— Не гогочи, тупой эльф! — орка насупилась. — Скажи еще раз!

— Нарендил.

— Нара-нди-л.

— Верно! — удивился эльф. — Прости, что смеялся. Скажи теперь твое имя.

— Зачем тебе?

— Чтобы знать... — Тут он сообразил, в чем дело. — Не для колдовства. Зря боишься.

— Я не боюсь! — немедленно ответила орка. — Хаштах.

Эльф не сразу понял, что это гортанное шипение — имя^[5].

— Гач-тах? Теперь уже орка хохотала — беззвучно, перегибаясь пополам и постанывая.

— Хасш-тах, — поправился Нарендил. Орка повалилась на спину и замахала в воздухе черными пятками. Видно, он опять ошибся — резкое «ш» с придыханием было совсем не то, что в Вестроне.

— Хасш... тьфу! Да это не звук речи! Так только змеи в болоте говорят друг с дружкой...

Хаштах поднялась рывком и, глядя Нарендилу в глаза, испустила звонкое шипение. Он попробовал подражать ей, но звук опять не пошел. Орка скорчила рожу и высунула розовый язык, свернутый в трубочку. Нарендил с отчаяния принял это за подсказку, но звук получился, хоть и отвратный, все же не тот, а орку разобрал такой смех, что она сама никак не могла зашипеть.

— Нет, я не сумею, — сказал Нарендил, тоже смеясь. — Может быть, человек смог бы, или гном...

— Ш-шш... — издевалась орка.

— Ах ты, лиходейское создание... Хаштах!

Орка прекратила шипение и изумленно воззрилась на него.

— Сказал!.. Скажи еще раз, — потребовала она.

— Постой, дай передохнуть, — взмолился Нарендил. — У меня от твоего имени язык болит, как от кислой ягоды!

Кругом не было ни души, только стрижи звенели высоко в небе. Нарендил успел забыть, кто перед ним смеется и строит рожи, кому он улыбается в ответ. Так бывает во сне: видишь

ли погибшего друга, или страшного врага, или незнакомца — не ведаешь и не помнишь, откуда он пришел и куда уйдет, и кто беспокоится об этом, тот близок к пробуждению.

Хашпах отсмеялась, и зевнула, не прикрываясь ладонью:

— Мне надо уходить.

— Куда?

— В горы, прятаться. В деревню мне больше нельзя, там Магорх. А я спать хочу. Я поела и согрелась, — она снова зевнула, потом еще раз, — надо спрятаться...

— Думаешь, тебя могут поймать, пока ты спишь?

— Да. Надо спрятаться, — но она не вставала с места.

Нарендил понял, что она слишком устала. Он знал, как поражает усталость после боя или тяжелого перехода, когда меч и точильный камень падают на землю из неживых рук, а глаза перестают видеть прежде, чем смыкаются веки. Знал он и то, что Смертный не должен противиться этой усталости, разве что необходимость больше жизни. Поэтому он наклонился к Хашпах и сказал:

— Послушай, тебя вернее поймают, если ты будешь бродить полусонная. Ты сейчас глупая, хуже спящей. Придется тебе вздремнуть здесь, а я покараулю.

— Ночь... придет... — с трудом выговорила орка.

— Я тебя разбужу. Доверься мне.

— Я не верю тебе, — шепотом ответила орка, и с этими словами уснула. Будто чары упали на нее — повалилась набок, не успев даже вытянуть руку. Нарендил приподнял ее и уложил поудобнее, подстелив свой плащ.

Он запоздало удивился происходящему. У него, как и у любого квэнди, были свои собственные счета с Проклятым Племенем. Были друзья, родичи, товарищи по оружию, убитые и замученные... Нарендил не помнил отца, его смерть от орочьего ятагана была для маленького эльфа лишь скорбными песнями или молчанием матери. Сомневаться не приходилось, Нарендил всегда ненавидел орков. В бою его рука ни разу не дрогнула, и стрелы били метко — нет большей радости и чести для воина, чем убить сотого орка. Однажды ему случилось сторожить пленных орков, и он еле сдерживал отвращение и презрение — как ни жалки были эти грязные изможденные твари, природные свойства Проклятых, подлость их и вечная злоба были противнее. Почему же в этот раз все не так? Или эта орка менее зла, или она в своем убожестве не прокликает всю Арду? Но Нарендил не чувствовал ни презрения, ни отвращения, хуже того, орка нравилась ему, как нравился бы одичавший, но смышленный пес. И ему было жаль ее — особенно сейчас, когда она упала, сраженная непомерной усталостью.

Он понял, что тревожит его с самого начала: ведь это все-таки орка. Одна из тех, кто век за веком нес в земли Арды смерть и страдания, кто с начала дней служил Врагу, исполняя его черную волю... Он дал своим слугам достаточно, чтобы самое имя «орк» стало проклятием. И то, что эльф Сумеречья с легким сердцем заботится об этом создании, — не просто удивительно, и уж совсем не забавно...

Это орка, повторял про себя Нарендил, вглядываясь в спящее лицо, но увиденное только увеличивало его смятение. Теперь он сказал себе то, что смутно заметил еще утром, — она не безобразна! Конечно, и не красива — слишком короткий нос, и слишком длинный подбородок, даже во сне не утративший упрямого выражения, и впалые темные щеки... Да, некрасива, — но не более, чем человек или гном. А закрытые глаза, огромные, с мохнатой каймой длинных ресниц, и брови вразлет, широкие у переносицы и тонкие у висков... Все

более дивясь, почти со страхом, Нарендил провел рукой над ее лицом, закрывая нижнюю часть... Глаза маленькой орки были прекрасны. Никто из квэнди не оспорил бы этих слов. Это орка, повторял Нарендил, и глаза ее красивы. Как разрешить эту загадку?

Тени сдвинулись на пядь. Нарендил по-прежнему сидел рядом со спящей оркой. У него не было дел в лагере, и ничто пока не мешало ему выполнить обещанное. Он продолжал разглядывать ее, отмечая и запоминая все. Черные волосы коротко обрезаются, клочками в полпальца длиной. Должно быть, хватала пряди в кулачок и отрезала кинжалом. Какой-то обряд или обет... — Но Нарендил понял, подумав, что за длинные волосы можно схватить и тащить. Он попытался вспомнить, какие были волосы у других орок, виденных вчера. Да, одна была с косами, старая и жирная... и мелкие, помоложе, косматые и такие же тощие, как Хаштах. Почему они не обрезают волос? Показалось ли ему, или они вправду глядели на Хаштах, как низшие на высшую? Может быть, они боялись ее?... Хаштах открыла глаза, быстро и невнятно проговорила что-то на своем языке — и снова провалилась в сон.

Теперь ее рука лежала на груди, рядом с амулетом. Что за темный путь привел столь дивную вещь к маленькой орке? Тонкая рука, оплетенная в золото. Третий и четвертый палец слегка согнуты, жестом осязания. Изумительно красивая рука, каждая линия радуется сердцу. И обладатель ее, верно, хорош собой. Или обладательница. Что-то необычное и притягательное в этой руке, уж не случилось ли мне видеть ее во плоти?.. Но если и случилось, то не в здешних краях. Рука орки совсем другая: цепкая, загорелая, светлые только ногти на бурых от грязи пальцах. Кожа стянута шрамами в нескольких местах. И шрам кольцом вокруг шеи. Цепочку срывали, может быть, эту самую. Куртка и штаны сшиты из шкур, еще не просохших с утра, — серым мехом внутрь, мездрой наружу, так что видны грубые швы. Рукава до локтей, железные пряжки, грубые, как подковы. Две из них застегнуты, а третья, верхняя, оторвана, и меховой ворот раскрыт треугольником, обнажая шею и ключицы.

Тень огромного камня накрыла их обоих, и орка то и дело вздрагивала во сне. Укутать ее было нечем: на сложенном плаще она лежала. Тогда Нарендил взялся за оборванные ремешки у орки на груди, чтобы связать их.

Удар был страшен: боль отдалась в локте и солнцем вспыхнула в глазах. Нарендил едва успел закрыться от второго. Орка стояла в трех шагах от плаща, пригнувшись и дыша как после бега, и страшный сон уходил из ее расширенных зрачков, сменяясь бешеной злобой.

— Что с тобой? — спросил Нарендил. Правая рука его была скована болью. — Ты потеряла разум, орка? Это же я, Нарендил. За что ты меня ударила?

Он решил, что ей спросонья померещился враг. Но зеленое пламя в диких глазах орки говорило, что она не спит, а враг — он сам.

— Перестань шипеть, дочь Мордора, — зло сказал Нарендил. — Отвечай толком: что я тебе сделал?!

Безумное племя, думал он, напрасный труд говорить с ними... Но орка ответила так:

— Ты падаль! Ты не тронешь ни меня, ни руки! Прежде я сдохну!

Он понял, хоть не сразу. Он завязывал ей куртку, а она решила, что поганый эльф крадет ее талисман или хочет учинить нечто еще более гнусное. Нарендил прислонился к камню. Его оглушило, как после падения с коня на полном скаку. Звуки умолкли, и свет померк, будто он и в самом деле замыслил все то, в чем его заподозрила орка, и тьма поглощает его. Столь внезапным и отвратительным это было, что не вмещалось в разум, и ему мерещилась какая-то ошибка, которую еще не поздно исправить. Другой голос говорил, что никакой

ошибки нет, напротив, он ошибался прежде, когда искал свет в исчадии тьмы. Но почему-то и теперь мир не вернул себе стройный порядок, и он никак не мог решить, что ему сделать или сказать.

Орка наблюдала за ним со звериным вниманием — соображала, насколько теперь опасен враг. Она спросила о чем-то, без прежней злобы. Он не разобрал слов и не ответил. Тогда она попятилась, не спуская с него глаз, потом неспешной рысью побежала прочь.

Когда Нарендил вернулся в лагерь, никто не осмелился подступиться с шутками. Но Тингрил вошел за ним в шатер и сел напротив.

— Что, сын Марвен, темна ли тьма?

— Тьма омерзительна, — с трудом выговорил Нарендил.

Тоска, не испытанная прежде, обида и унижение терзали его. Ненавистное лицо маячило перед глазами, голос, режущий слух, все повторял и повторял оскорбления, которых он не заслужил, и ничего нельзя было изменить.

Предводитель улыбнулся своей всегдашней улыбкой, в которой не было веселости, а было узнавание уже встреченного.

— Благодарение Валар, наконец-то я слышу разумные слова. Вольно же было водиться с этой поганью.

— Ты прав, предводитель. Я глуп, и поделом мне, — так же неохотно, через силу произнес Нарендил. Сейчас он сожалел, что не ответил затрешиной на слова «не тронешь ни меня, ни руки», не сказал ничего этой косматой, пахнувшей шкурами, возмнившей, что ее красота подвигнет его на мерзкие замыслы... Но ведь и это было бы бесполезно, понял он, и тоска стала еще острее.

— Не печалься, сын Марвен. Не жалею о том, чего не можешь исправить, — голос Тингрила стал мягче. — Все исправит время. Через месяц ты и не вспомнишь о том, что было.

— Через месяц? Я никогда не забуду...

— Я не сказал, что забудешь, — я сказал, что не станешь вспоминать. Было время, я тоже думал, что мне уж не узнать радости, ибо тьма незабвенна. Так и ты думаешь? (Нарендил кивнул). Оно и понятно... В те дни, когда они взяли меня в плен и повели на юг — а я знал карту и мог сосчитать, через сколько ночей увижу башни Барад-Дура, — бывало, что подземелья Саурана казались мне желанной целью. Каждый час я видел то, чего не видел прежде, о чем не мог и помыслить. За забвением я готов был своей волей отправиться в чертоги Мандоса — если бы знал наверняка, что забвение будет мне дано.

Тингрил замолчал. Нарендил тоже молчал, не решаясь произнести ни слова. Теперь он мог бы сказать, откуда эта тень или пыль, что покрывает лицо Тингрила и серебрится в его волосах — такими становятся Смертные на склоне лет. Теперь он взглянул на руки предводителя — как всегда, в перчатках, — и подумал о тьме, которая наложила на эльфа печать Иного Дара, и устыдился своего малодушия.

— Как видишь, я не умер, — сказал Тингрил, угадав его мысли. — Наши сердца прочней, чем думаем мы сами. Люди из Гондора перебили орков. Я остался жив, и двадцать дней плена долго преследовали меня, но в конце концов и они ушли. Я думал, что не бывать больше радости и песням, — и ошибся. У всех вражьих слуг, сколько их есть, не достанет сил, чтобы погасить сияние Элберет. Верь мне, Нариндол, — Тингрил улыбнулся по-настоящему, так, что молодой эльф улыбнулся вслед за ним. — Люди говорят, что должно испытать все, и что знание всегда оказывается нужнее неведения. Это странно, но их

мудрость по-своему стоит нашей.

— Я верю тебе, предводитель. Что мне делать сейчас?

— Все, что делаешь обычно, — Тингрил поглядел на него и кивнул, убедившись в правоте своих слов. — Скоро твой черед караулить. Затем займись конями, проверь подковы. Потом отдыхай. Неплохо бы тебе выспаться, пока это возможно. Я скажу Элуину, чтобы он сварил для тебя сонных трав. А завтра с рассветом мы уйдем отсюда.

Нарендил думал, что не уснет. Но он так мало спал последнее время, что раззевался, едва вдохнул пар над варевом.

Сперва он не видел снов. Потом появился луг: в зеленой траве блестели золотые цветы. Он шел по этой траве и объяснял кому-то, кто был с ним, почему им необязательно возвращаться в горы: дескать, обратная дорога уже пройдена. Затем он перестал об этом думать. Навстречу им шли прекрасные девы. Он узнал ту, что уже полгода являлась ему лишь во сне. Меж ними не было любви, но она была златоволосая и златоглазая, как солнечный луч в еловом бору. Нарендил подошел к ней, но она не замечала его. «Он еще не вернулся», — сказала она кому-то из них, все так же тихо улыбаясь. Нарендил хотел сказать, что он вернулся, что вот он, но почему-то не сказал, или его не расслышали. Теперь он видел, что они в знакомых местах, на лугу у Эйфель Даэн, в миле от их дома, и идут они к матушке, на пир по случаю его возвращения. И тут он заметил свою сегодняшнюю знакомую. Все были в праздничных одеждах, а она — в короткой белой тунике, босая, и ростом меньше всех. Черные кудри вились у нее за спиной. «Ты отрастила волосы?» — спросил он. «Как видишь», — важно сказала она и, собрав волосы на затылке, связала их лентой. Они шли рядом, стараясь не наступать на цветы, и чему-то смеялись. И вдруг девушка в тунике стремительно нагнулась. Нарендил понял, что за камнем, — но увидеть броска не успел. Он лежал в шатре, снаружи был солнечный день.

Как часто бывает, вспоминать сон оказалось печальнее, чем смотреть. До дома далеко, а маленькая орка никогда не оденется в белое и не отпустит косы. Он попытался припомнить имя, которым называл ее во сне. Не Хаштах — три слога, квэнийское имя — Лор... Лайр... нет, не то. Ее настоящее имя, подумал он.

И замер на мгновение — догадка ошеломила его. Медленно, в тишине, он повторил сам себе:

— Мудрые правы. Орки — не дети Моргота. Орки — пленные эльфы.

Все было так, как поется в песнях. Огромные звезды горели во тьме, вода звенела о камни. В темной воде отражались белые лица, глаза, наполненные светом звезд. Все было именно так — Перворожденные пробудились и заговорили, а потом явился черный всадник. «Имя ему — Мелькор, и кто узрит его, тот исчезнет в вечной ночи, в северных подземельях. Смерд и огонь встречали их, в дыму они видели: закрываются врата...» Так было — вопли и стоны огласили каменные своды, и страшная боль исказила ясные доселе черты. Черные чары пали на них, чары, затмевающие разум. Это они заставили девушку поднять камень. Она не помнит себя, она в плену.

Нет. Теперешние орки — правнуки правнуков тех, кого похитил Моргот. Они сами стали злом. Давным-давно скован и исторгнут из пределов Эа Моргот, сгинул и Саурон, но чары не рассеялись, Проклятые остались Проклятыми. Имя им — орки. Эльфов, что дали им жизнь, уже нет, их, верно, не сыщешь и в Мандосе... Но все же, если они дети Перворожденных, они братья нам по крови? Кто знает, может быть, до сих пор, через многие века, свет Куйвиэнен не совсем еще угас. — «Наши сердца прочней, чем думаем мы сами».

Он снова представил себе маленькую орку с огромными глазами, которая одна сражается со всей ордой. Вспомнил ее безудержный смех за миг до того как упасть без сил... Но ведь и она отравлена злобой. Она способна ударить исподтишка, украсть, а случится — и убить безоружного — тут нет места сомнениям. Она орка, не эльф. Жестокость, гордыня, слепая несправедливость могут быть присущи эльфу, но не бесстыдная подлость и трусость. А проблески света... Быть может, Моргот не погасил их потому, что они не озарят тьмы, но сделают ее глубже? Ответ мне, вопрошал он сам себя, если бы тебя захотел оскорбить косоглазый орк с ятаганом в руке, а не эта изгнанница, разве оскорбления достигли бы цели? Нет, должен был он ответить, я бы попросту не услышал их. Вот и разгадка, о Нарендил. Свет у орков — это темнейшая тьма...

Закат затопил долину огненно-желтым светом. Черные камни стали еще чернее, а зеленые одежды эльфов и кустарники на склонах поблекли, словно осенью. Стрижи все не умолкали, но тревожен был вечер, и темные облака на севере могли быть предвестием грозы. Кони ржали ни с того ни с сего. Порывы ветра внезапно стихли.

Нарендил пересекал каменистое плато, пробираясь между валунами. Он решил подняться на высокие скалы, обрамлявшие долину, и взглянуть на горизонт. Ущельем они уйдут отсюда завтра поутру, и больше он никогда не увидит этого урочища. Где-то она сейчас? Сидит на камнях, шарит по сторонам своими бессмысленными глазами, а кругом только скалы да можжевельник... А если бы я жил здесь? Снова, как вчера, он попытался вообразить, каково это — быть орком, вынюхивать следы на мшистых камнях, голодать и наедаться до отвала, ненавидеть своих же сородичей... Воистину, стоит воздать хвалу Эру за любой иной жребий. Лучше придти в этот мир человеком или гномом. А лучше всего быть эльфом, который завтра в этот же час увидит ровную землю...

Пронзительный крик прервал его размышления. Кричали справа, где-то за источником. Кричал высокий голос, женский или звериный, и был это вопль отчаяния и предсмертной тоски, но ни слова нельзя было разобрать. Крик заглушили боевые кличи, до тошноты знакомые эльфу. Недолго думая, он спрыгнул с валуна, на который было взобрался, и понесся наискосок по склону. Он уже знал, что увидит, и не ощущал ни сомнения, ни страха. Словно вернулись дни Войны.

Орки столпились в низине у источника, штук восемь восторженно ревущих и подпрыгивающих тварей, рослых и длинноруких. Нарендил подкрался ближе. Двое в середине держали пленницу, вернее, один держал, другой затягивал веревочные петли и вязал узлы. Она больше не кричала. Рядом красовался здоровенный орк, ростом почти с Нарендила и вдвое шире, в драной кольчуге и высоком двурогом шлеме. Этот не прыгал и не орал, а стоял неподвижно, картинно отставив ногу и уперев руки в бедра. Верно, он и был поганый Магорх, которого так боялась Хаштах.

Первый камень ударил молодца, державшего маленькую орку, прямо в зад. Он взвыл и дернулся, уронив добычу. Не успели орки понять, что к чему, как второй камень нашел самого Магорха — по башке, верней, по гулкому рогатому шлему. Великий вождь с тихим вздохом осел на землю. Орки заозирались, испуганно прискуливая. Один побежал к землянкам, но тут же вернулся, другой приподнял за грудки поверженного вождя и принялся трясти его и дергать за нос. Наконец Магорх встал на ноги, взрыкивая и пошатываясь. Ему подали шлем. По команде четыре орка двинулись неуверенной рысью в ту сторону, где скрывался неведомый враг.

Эльф усмехнулся. Ясный Бор, бывший прежде Сумеречьем, научил своих детей

великому искусству игры в прятки. Орков, будь их хоть четырежды четыре, следовало проучить за самонадеянность. Но на сей раз не пришлось. Кто-то из оставшихся отчаянно завопил и забранился, остальные тоже принялись орать и замахиваться друг на друга. Нарендил, замерев между перебежками в тени высокой скалы, смотрел, как рычащий Магорх раздает пинки простертым ниц холопам, а те четверо, что должны были искать его, топчутся на месте, не решаясь ни удрать, ни вернуться. Нарендил понял, что она сумела ускользнуть. Подтянувшись на руках, он взобрался на скальный уступ и осторожно огляделся.

Уже смеркалось, закат догорал, и длинные тени растворялись во мгле. Беглянки нигде не было. Нарендил подумал, что долг его выполнен, осталось пустить еще два-три камня для вразумления да возвращаться в лагерь, как вдруг разглядел в ручье, бьющемся на перекаате, какое-то иное движение. Кто-то дергался и трепыхался в воде, подобно огромной рыбе. Она же связана, вспомнил эльф. Камни он швырял наспех, зато орки, желая загладить оплошность, сразу ринулись туда, где он был. Но Магорха провести не удалось: он присел на карачки и повел носом. Надо было опередить его.

Когда Нарендил выбежал к перекаату, там уже никого не было. Мокрый след виднелся на камнях противоположного берега. Прыгая по валунам, Нарендил перебрался через ручей. Орка далеко не уползла — сидела за большим обомшелым камнем, скорчившись так, что было видно только спину да черный затылок у самой земли.

— Хаштах, — негромко позвал Нарендил. Шагов его она не расслышала из-за ручья, и оклик застал ее врасплох — она рванулась и едва не упала. Нарендил увидел черные от ужаса глаза и пеньковое волоконце, прилипшее к губе. Она перегрызала путы.

— Эльф, — ошеломленно выговорила она и замерла.

— Не бойся меня, я друг, — сказал Нарендил, — я помогу тебе.

Все равно, конечно, она удрала бы, когда он шагнул к ней, обнажив кинжал. Но это было невозможно, и она лишь неловко сжалась в комок. Орки повязали ее самым что ни на есть орочьим способом: запястья к щиколоткам, далеко не убежишь, и смотреть забавно. Одежда ее была разорвана в клочья, из многочисленных ссадин сочилась кровь. Значит, она кубарем скатилась по склону прямо в ручей, и вода отволокла ее к перекаату. Содрана была кожа на спине — должно быть, зацепило о дно, — и жестоко разбита левая нога у сгиба колена — это, конечно, брошенным камнем. Здесь кровь не сочилась, а текла темной струйкой.

Нарендил оторвал полосу ткани от плаща и наложил повязку. Хаштах молча глядела на него почерневшими глазами.

— Не бойся, — повторил он, — я не сделаю тебе зла. И не отдам тебя Магорху.

— Они придут сюда.

— Они не догонят нас.

— Я не могу идти по камням. Ты туго завязал. Они учуют кровь.

— Я понесу тебя, — Нарендил снял плащ и застегнул его на плечах у орки. — Теперь садись ко мне на спину.

Хаштах оказалась совсем легкой, может, чуть тяжелее обычного дорожного мешка. Ниже по течению, где ручей сужался, Нарендил перепрыгнул через него и бегом пустился в скалы. Орки уже гомонили на той стороне, где пряталась Хаштах: учуяли кровь, как она и предсказывала. Поднялся страшный рев; Магорх и его холопы, видно, никак не могли взять в толк, куда подевалась беглянка и причем тут эльфийские следы. Пока они уразумели, что коварный эльф, похитивший добычу, и есть тот самый враг, что кидался камнями, Нарендил

успел добраться до ложбины, где вчера шел и вел коней их отряд. Только там он услышал погоню.

Орки шли по следу все вместе, у них достало ума идти молча, но камни скрипели под их башмаками, и эльфу этого было довольно. Он воспользовался выигранным временем, чтобы запутать следы. Затем велел Хаштах ничего не бояться и держаться крепче и, прошептав имя Элберет, ступил на стланик справа от тропы. Сплетение корявых ветвей едва ли возвышалось на локоть над землей, но все же было так, словно идешь на ходулях. Внимательно глядя под ноги, Нарендил пошел вниз по склону. Расчет был верен: этих следов оркам не найти. Что орки — и более умному созданию, не выдавшему, как ходят эльфы по траве или по снегу, было бы невдомек, что полосу стланика в горах можно пересечь без помощи крыльев. Стволы его прочны, но могут и сломаться под тяжелой стопой, а стоит неверно ступить — даже если сразу и не повредишь ногу, непросто будет ее вытащить из кривых тисков... Хаштах порывисто вздохнула, когда он пошатнулся, но не вскрикнула. Возжигательница Звезд была милостива к Нарендилу: вскорости он спрыгнул на каменистую площадку.

Развязав плащ, он опустил Хаштах на землю:

— Сиди тихо. Они потеряют наш след.

Орки приближались. Слышно было, как они остановились, затоптались на одном месте, заходили кругами... Да, это не были зловещие сауроновы следопыты, что, единожды выбрав жертву, шли за ней хоть по воде, хоть сквозь огонь, и ничем не проявляли себя, пока не достигали цели. Сопение холопов Магорха, хруст веток и скрежет камней, когда кто-нибудь из них оступался, разносились по всей долине. Правду сказать, теперь беглецам угрожал только случай. На их счастье, ветра по-прежнему не было. Внезапно Нарендилу почудилось, что орки больше нет слева от него. Он осторожно повернул голову. Хаштах застыла не просто неподвижно — мертво, как камни вокруг, будто место маленькой орки заняло изваяние или призрак. Погасшие глаза смотрели в одну точку, казалось, она и дышать перестала. Но наконец орки двинулись прочь, по обманному следу, — сперва неуверенно, потом быстрее... И тут же она появилась вновь — как фонтанчик, что бьет из земли. Она подпрыгнула на месте от переполнявшего ее торжества, она беззвучно смеялась и стучала кулаком об кулак:

— Ха! Навоз уплыл! Теперь мы уйдем!

Нарендил опомнился. Опять он связался с отродьем тьмы, которое только сегодня вместо благодарности ударило и оскорбило его. Что делать с ней? Бросить ее здесь одну нельзя, она ранена и кругом шныряют рассвирепевшие орки. Но как появиться в лагере с таким подарком? Тингрил ее прогонит...

— Где ты прячешься? — спросил он.

— Там, — Хаштах показала на северо-восток, — в моей пещере.

— Ну что ж, садись на спину, будешь показывать дорогу.

Пришлось подниматься по восточному склону. Тропинка скоро вошла в расщелину и там затерялась в стланике и трещинах — видно, сюда не забредал никто из деревни. Да и то сказать, нелегко было идти. Нарендил надеялся, что Магорх не настолько злобен и глуп, чтобы атаковать лагерь, но все же тревога не покидала его. Он проклинал свое безрассудство и не переставая вслушивался в вечернюю тишину.

Расщелину пересек черный провал шириной едва в локоть. Хаштах отказалась от помощи и спрыгнула первой — держась за край, повисла на руках и мгновение спустя позвала из-под земли:

— Хей, эльф!

Нарендил последовал ее примеру. Он коснулся ногами каменного пола прежде, чем отпустил руки, а чтобы пройти под свод пещеры, ему пришлось наклонить голову. Это был темный и сырой каменный мешок со скользкими от плесени стенами. У ближней стены было устроено что-то вроде ложа из веток и шкур, наполовину сгнивших. Звездного света, что проникал через отверстие в своде, едва хватало на первые пять шагов — остальное пропадало в крошечной тьме, заявляя о себе лишь редкими звуками капли. Однако, судя по отголоскам эха, пещера была невелика.

Хаштах сидела на своем ложе, вытянув перевязанную ногу, и пристально наблюдала за Нарендилем. На лице ее равно нельзя было прочесть ни страха, ни благодарности. От холода и сырости ее колотил озноб, но и несчастной, жалкой она не выглядела — она терпеливо выжидала, как опытный воин в ночном дозоре. Такая сила духа, по мнению Нарендила, не подобала женщине. Это было хуже, чем если бы она плакала и задавала бессмысленные вопросы. Плащ она сбросила, спускаясь в провал, и сейчас не вспомнила о нем. Когда Нарендил укутал ее, она воззрилась на него без улыбки, без приязни, чуть ли не с раздражением: мол, по какому праву ты посмел беспокоить леди?

— Хоть бы поблагодарила, — вслух сказал он. В глазах орки промелькнул испуг, она сжала губы и насупилась. Нарендил догадался, что о благодарности Хаштах знает не больше, чем о жалости.

— Почему ты не погнался за мной днем? — спросила она все с той же тоскливой тревогой.

— Опять ты за свое, — вздохнул эльф. — Не собираюсь я тебя ловить, и... Ты свободна.

Тревога обозначилась явственней в частом дыхании орки. Глаза ее светились в темноте, не так, как у эльфа, а по-звериному: мерцающий свет испускали только зрачки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А тогда зачем ты отбил меня у Магорха?

— Но не мог же я допустить, чтобы он тебя мучил. Магорх ваш поистине... падаль, как вы говорите. Достаточно раз увидеть его...

— Это ты верно сказал, — произнесла Хаштах с тем протяжным равнодушием, которое, как известно, обозначает у орков самую черную ненависть. — Он падаль. Убила бы его — и есть бы не стала.

— Так это правда, — помолчав, спросил Нарендил, — что вы едите...

— Кто ест, а кто и не ест, — мрачно заметила Хаштах, — мне никогда не доставалось. Это просто так говорят — значит, тухлая падаль.

Нарендил молча воспринял новый урок орочьего красноречия, ему не хотелось спрашивать, что было бы, если бы ей доставалось. А Хаштах продолжала:

— В бою-то он не из первых, а вот в обозе, с пленниками и женщинами — забавы он любит. Особенно головней жечься. А однажды он прирезал чужого пленника, и его привязали к столбу. Жалко, я тогда еще не могла убить камнем, — она мечтательно вздохнула.

— Ты-то как туда попала?

Хаштах недоуменно повела плечом.

— Пришла с отрядом. Как еще?

— Нет, я хотел спросить, как ты в отряд попала, в боевой поход? Тебя взяли в плен?

— Меня много раз брали в плен. Да устеречь не могли, — она усмехнулась.

— Где ты родилась?

— За восточными хребтами. Так говорила Агшах, ее потом убили. Я сосала ее грудь. Мы были в обозе у орков Мордора. Агшах говорила, они перебили наших. Потом они пришли на равнины, и там их перебили уруки — не мордорские, другие, еще огромное. Меня держал их сотник, да сгниют его кости, пока уруки не пошли с армией на юг. Тогда я сбежала от сотника в войско орков с Туманной горы. Когда сотник пришел за мной, его проткнули копьем. Потом убили того, кто меня держал, и я пряталась в обозе. Мы были вместе с Чиар. Мы отнимали еду у других и воровали в отряде у воинов. Чиар умела колдовать и меня научила. Потом нас поймали. Чиар забили насмерть, потому что она была старая, а меня нет...

Нарендил слушал ее в странном оцепенении. Рассказ Хаштах был долог, продолжение мало чем отличалось от начала, и он опять смутно задумался, сколько ей может быть лет — и сколько ей было во время Войны. Пленница, беглая и снова пленница, колдунья и отравительница, ворующая у живых и у мертвых — правду она сказала, все были ей врагами, и вражда была взаимной. Она говорила не спеша, узкое лицо ее было спокойно — может быть, отдыхая от сражения с целым светом, она рассказывала эту историю самой себе. Когда Война окончилась и разрозненные остатки орочьих отрядов ринулись искать спасения в горах, Хаштах вместе с другими пришла в эту деревушку, где не было даже кузнеца и многие жители сроду не держали в руках оружия. Поначалу их пытались прогнать, но не смогли. И она жила мирно, пока в деревне не появился Магорх.

Орка замолчала и прикрыла глаза, словно прислушиваясь к ноющей боли.

— Не думай о нем, — сказал Нарендил.

Орка резко обернулась к нему.

— Ты убьешь его?

— Я не могу, — после недолгого молчания признался Нарендил.

— Почему не можешь? У тебя есть лук?

— Есть, но...

— Ты можешь убить его стрелой, издали, — Хаштах обеими руками схватила его руку, напряженно глядя в глаза. — Я выслежу его. Приведу тебя, когда он будет один. Ты выстрелишь ему в шею, — в такт своим доводам она крепче сжимала запястье эльфа. — Потом мы уйдем. Все просто. Давай сделаем так!

— Нет, — жестко сказал Нарендил. Пальцы Хаштах разжались. Она ни о чем не спросила.

— Эх... Да пойми ты, когда ваши увидят, что Магорх убит эльфийской стрелой, они могут напасть на наш лагерь. — «А если сбросить тело в расщелину?.. Нет, что я делаю, о чем говорю? Ведь мы разведчики, и я уже нарушил приказ, и вот теперь только этого не доставало — убить орка, который не нападал...» — Могут убить кого-то из моих товарищей за то, что совершил я. Это был бы позор для меня и горе для всех нас, понимаешь?

— Тогда он доберется до меня, — сказала Хаштах, и ее слова прозвучали не новым доводом в споре, а его окончанием. Ночное свечение в ее глазах погасло, уступив место черным теням. Помолчав, она протяжно добавила:

— Вот теперь-то я поняла тебя.

В этот миг Нарендил узнал, что ему надлежит сказать, и не успел испугаться — как не успевал испугаться на поле боя. Слово ятаган остановилось в воздухе, встреченный его

мечом.

— Ты ошибаешься, Хаштах. Магорх не доберется до тебя. — Он взял ее за плечи и повернул к себе, и тут же ее глаза засветились вновь. — Слушай, что я скажу. Если будет на то твоя воля, мы уедем вдвоем. Я увезу тебя на равнину. Сегодня же я покину отряд. Командир позволит мне уйти, если я расскажу ему... — Он запнулся, представив себя и Тингрила в эту минуту. — ...А коли не отпустит, я уйду все равно. Наш поход завершен, и я сам себе хозяин. — Орка глядела на него приоткрыв рот. — Подумай, Хаштах. Ты можешь уехать со мной и никогда больше не видеть поганого Магорха. Я тебя не обижу. Я буду тебя защищать. Ты увидишь леса, реки, тебе понравится...

— Ты... — произнеся это слово, орка замолчала — чего-то она никак не могла понять. — Ты будешь меня держать? А тогда почему ты...

— Это ты будешь меня держать, — перебил ее Нарендил и, видя ее крайнее изумление, добавил: — Мы с тобой будем держать друг друга. Я не уйду от тебя, пока не прогонишь. Мы будем вместе. Согласна?.. Не понимаешь. Я люблю тебя, Хаштах.

— Ты — меня... — шепотом повторила орка и указала рукой от него к себе. Было видно, что она изо всех сил старается угадать значение непонятого. — Скажи по-другому!

Нарендил уже знал, что сказал правду. Теплом повеяло в пещере, будто костер разгорелся у их ног. Он не оставил бы ее здесь, даже если бы убил Магорха.

— Тье мелан'е, Хаштах Орквен^[6] (люблю тебя, Хаштах Дева Орков), — повторил он на Квэниа.

— Это чары? — спросила она чуть слышно. Свечение в ее глазах задрожало, лучи преломились.

— Может быть, чары, а может, и нет, — улыбнулся эльф. И тогда Хаштах вытерла слезящие слезы, тут же погасшие на мокрых щеках, и серьезно выговорила:

— Тие мелайне, Нарандил.

Должно быть, Хаштах была достойной ученицей старой Чиар. С первого раза запомнит заклятье и попытаться наложить на него, эльфа, те же чары, что он на нее... На что, по ее разумению, оказались похожи «мела», «люблю», от чего она плакала — о том знает Варда. Но впрочем, кто поручится, что это и в самом деле не заклятье?

Хаштах придвинулась ближе. Волосы ее были мокры от капель, падающих со свода.

— Так ты согласна? Ты уедешь со мной?

— Уеду. — Она сказала это все так же тихо. Она внимательно смотрела в его лицо, будто искала какой-то знак.

— Ты умница, — Нарендил наклонился к ней, но она увернулась и прикрылась локтем.

— Что ты? Все еще боишься?

— Просто мне не нравится, когда кусают за лицо, — сердито объяснила она, чуть-чуть опустив руку. У Нарендила перехватило дыхание.

— Ты тупая орка, — сказал он, передразнивая ее гортанный выговор. — Я хотел тебя поцеловать. Не укусить.

— Как это?

— Сейчас покажу. Только ты-то не бей меня. — Нарендил осторожно коснулся губами лба и кончика носа Хаштах. Она, удивленно моргая, потрогала нос указательным пальцем, а потом зажмурилась, и для верности еще ладонями закрылась. Нарендил попытался мягко отвести ее руки, и тогда она лбом уткнулась ему в плечо и так замерла. От волос ее пахло костром, а дыхание было теплым, как у зверя или у больного.

Значит, все решилось как должно. Надо было идти в лагерь. Вести с собой Хаштах он не хотел — товарищи будут срамить его и называть безумцем, о Тингриле страшно и подумать... что же выпадет на долю этой бедолаги, появившись они вместе?

— Послушай, Хаштах, — сказал он, — я должен сейчас пойти в наш лагерь, взять коня, еду и оружие, и сказать, что ухожу. Подожди меня здесь. Скоро я приду за тобой, и мы уедем.

Она тут же разняла руки и села рядом, завернувшись в плащ. Глаза ярко горели на напряженном лице.

— Ты... вернись, — только и сказала она. — Я в твоём плаще, а он хороший.

Нарендил не знал, сердиться ли ему, плакать или смеяться.

— Ты ещё лучше, чем плащ, — сказал он. — Я непременно вернусь.

На прощание он поцеловал её в шершавую щеку. Звезды встретили его наверху. Нарендил побежал под гору, чтобы сократить ей ожидание.

Опасения Нарендила сбылись. Его ждали, тревожились. Только приказ Тингрила заставил умолкнуть эльфов, наперебой предлагавших различные способы излечения безумного Нариндола, из которых содержание под стражей было далеко не самым суровым.

— Я потолкую с ним, — сказал предводитель. — Оставьте нас.

Это было исполнено. Воины отряда разошлись, вернее, ушли все вместе, обсуждая небывалый случай. Тингрил подбросил сушняку в костер, поправил уголья и указал Нарендилу место рядом с собой. Тот повиновался. Бой обещал быть жестоким — слишком спокоен был Тингрил.

— Так, значит, — не торопясь заговорил он, — ты решил спасти её? Отнять у тьмы?

— Она не принадлежит тьме, — твердо ответил Нарендил. — Здесь ей не место.

— Ты так решил, потому что она непохожа на других орков, и те гонят её. — Предводитель говорил все так же медленно и размеренно. — Разве ты никогда не слышал о том, как враждуют между собой орочьи племена? Это ещё не делает ни одно из племен сторонниками Света.

— Нет, — сказал Нарендил, — её гонят не за то, что она другого племени, а за то, что она не принадлежит ни к одному из племен. Ты сам знаешь, у этих тварей нету ни чести, ни гордости. Вспомни, любой из них встанет на четвереньки и, как пес, возьмет в зубы палку, если речь пойдет о спасении его драгоценной жизни. Потому я и понял, что она не из них. Гордость ей знакома. Она готова заплатить жизнью...

— Она охотнее заплатит чужой жизнью, чем своей, — прервал его Тингрил. — Им, как и нам, бывает не под силу смириться с поражением. Тогда орочья злоба принимает различные формы и может быть даже подобна гордости. но доведись и впрямь выбирать между смертью и покорностью... Скажи, почему она согласилась идти с тобой? Почему не отказалась?

— Она доверилась мне. Поняла, что я не враг ей...

Тингрил смеялся — негромко и невесело.

— У твоей орки, Нариндол, нет иного пути, чем уехать с тобой. В деревне её больше не потерпят — этот их Магорх там за вожака, она давно его дразнит, а сегодняшний вечер довершил дело. Если она посмеет вернуться, её предадут мучительной смерти. После того, что было, её не спасет никакая покорность. Они там, в деревне, тоже... гордые, как ты говоришь. В одиночку ей не выжить ни в горах, ни в глубоких пещерах. И даже если голод и холод не убьют её прежде, чем она доберется до другого селения, вернее всего, её убьют в

том селении. И тут пришел ты, безумный эльф. Эльфы противны оркам, как они противны нам. Но смерть еще отвратительней. Она не тебе доверилась — ее гонит страх смерти, как и всех их...

— Я не противен ей, — резко сказал Нарендил. — Ты прав, она долго не верила, но в конце концов... Я думаю, она благодарна мне.

Это было сказано напрасно. В ответ снова прозвучал презрительный смех.

— Благодарна? Знаешь, когда поблагодарит лесная гадюка? Ты дитя, Нарендил. Подумать только, какая честь для эльфа — доверие орочьего отродья, попавшего в капкан!

— Почему бы и нет? — молодой эльф не стал более сносить насмешки. Пришел его черед говорить, хотя бы каждое слово было кощунством или дерзостью. — Я считаю это честью.

Тингрил не ответил, только глаза его расширились, будто он увидел за спиной у Нарендила нечто опасное. А тот продолжал:

— Ты назвал ее орочьим отродьем. Я хорошо узнал ее сегодня, и я говорю тебе: это орочьье отродье достойно уважения. Она отважна — действительно отважна. Это неправда, что ее гонит страх смерти, умереть ей было бы легче, — он говорил сбивчиво, едва успевая облечь в слова ощущение своей правоты. Оно вернулось, как только он вспомнил напряженное лицо Хаштах, ожидающей в темноте. — Она вынослива, как воин, и готова ко всему. И я не откажусь от своих слов — она благодарна мне, она доверяет мне, хотя прошлая жизнь учила ее злобе и недоверию. И если оркам не могут быть присущи храбрость и честь, это значит, что она не орка.

— Это поистине удивительно, — без всякого выражения молвил Тингрил. — Кто же она?

— Может быть, пленный ребенок... — Нарендил неожиданно для себя смутился — столь грубым и нелепым вымыслом это выходило. — Похищенные Эльфы Моргота...

— Что же ты замолчал? — сурово спросил предводитель. — Коли твой язык сумел выговорить такое, что еще может помешать ему? Или твоя орка, не ведающая страха, чересчур грязна для столь красивых речей?

— Ты ошибаешься, предводитель. Я сбиваюсь оттого, что мне трудно найти верное слово, но я знаю, чего ищу. Когда я поцеловал ее...

— Что?! Тингрил резко выпрямился. Ему словно не хватило дыхания на более пространный вопрос, и это было страшней гнева.

— Когда я поцеловал ее, она обрадовалась, как ребенок, — сказал Нарендил, стараясь голосом не выдать тяжелой тревоги.

— Ты поцеловал орку? — снова спросил Тингрил — так целитель спрашивает, куда ты ранен. — Ты поцеловал эту, живущую в нечистотах? Почему ты это сделал?

— По своей воле.

— Из жалости? Я спрашиваю, ибо это важно, ответь мне.

— Не из жалости. Нет, мне и вправду жаль ее, но причина не в этом...

— Ты же не посмеешь сказать, что любишь ее!

Нарендил улыбнулся той самой улыбкой, которую терпеть не могли и друзья его, и враги. Рыжие волосы будто выцвели в отблесках огня.

— Я люблю ее, предводитель.

— Хорошо, — медленно произнес Тингрил. Он был спокоен и сумрачен. Только теперь Нарендил заметил, что у колен предводителя лежит меч, вынутый из ножен.

— Значит, эльф любит орку. Теперь я понимаю. И тебе не противно... не противен сам ее запах?

— Нет, предводитель.

— Пусть так. Но вот о чем ты забыл: орку твою преследуют другие орки. Они ее вынюхивают, поэтому она смывает запах. Вижу, что угадал, — я знаю их повадки. А знаешь ли ты, что она перестанет мыться, как только опасность минет? Молчишь, и прав, что молчишь. Слушай мои слова, я тебе не солгу. Что ты думаешь о вашей будущей жизни — когда вы с ней поселитесь вдвоем? О чем будут ваши речи? Она орка, бедный мой Нарендил, не обманывай себя. Она никогда не заговорит ни на одном из наших наречий, им это не дано, уж ты поверь мне. Вам не петь вместе. Потом ты узнаешь, что цветы ничем не отличаются для нее от травы, а трава — от голой земли: говорят, орк видит волчьими глазами. Ты еще не думал обо всем этом. Так подумай сейчас, пока не поздно.

Нарендил и в самом деле не думал об этом — падающий в пропасть не считает камней на обрыве. Теперь он внимал Тингрилу, запоминая гибельные препятствия, которые отныне надлежит преодолевать.

— Есть еще одно, Нарендил. Ты бессмертен, она — нет. Ты хочешь видеть ее старость? Тебе не страшно? Ты не Лучиэнь, она не Берен, — Тингрил жестоко усмехнулся, — ваша история не станет песней. Эльф и орка... Это гнусная прибаутка вроде тех, что орут во хмелю ее сородичи. Ваш союз не благословят Валар. За свое безумие ты заплатишь дорогую цену. Теперь ты понял?

Нарендил понял. Может показаться странным, что он забыл и об этом. Верно, перестав видеть в ней орку, он нечаянно даровал ей и бессмертие. Да, ему стало страшно. Тингрил был кругом прав. Но Хаштах дожидалась его, и он дал слово, и не время было размышлять о том, что эта девчонка может состариться.

— К чему твои речи, предводитель? — спросил он, снова улыбнувшись. — Благодарю тебя за предупреждения — они услышаны. Но пророчества не изменят того, что предначертано. Если мне суждено любить орку...

— Глупец, — только и сказал Тингрил, но слово было как оплеуха. — Правы эльфы, ты безумен и слеп. Знай же, то, что тебе суждено — если называть это судьбой — ни в чем не подобно любви. Не смотри так гневно. Скажи, заметил ли ты талисман, что висит на шее у твоей подружки? Что он изображает?

— Руку, — ответил Нарендил, не понимая, чего хочет от него предводитель. — Это рука по запястье, выточенная из белого камня и заключенная в золотую сетку. Искусная работа, и скорей эльфийская или человеческая, чем гномья. Должно быть, военная добыча, она, верно, украдена... Но такая безделушка...

— Это не безделушка, глупец, — холодно прервал его Тингрил. — Вспомни хоть теперь, кого Проклятое Племя зовет Белой Рукой!

— О Элберет, — только и смог прошептать Нарендил. Этот удар был сильнее предыдущего.

— Ты вспомнил, — удовлетворенно сказал Тингрил, глядя в его помертвевшее лицо.

— Курунир...

— Верно. Саруман из Ортханка. Маг, утративший цвет и посох. Тот, кто дал жизнь оркам с человеческой кровью, называвшим себя уруками. Они не боялись солнечного света, были преданы своему хозяину, как деды их не были преданы Черному, и на щитах несли знак Белой Руки. Ведь и твоя орка не боится солнца?

Нарендил молчал.

— Раньше я думал, — продолжал предводитель, — что уруки Ортханка — дети пленных женщин Людей от мордорских орков. Но сейчас я вижу, что могло быть иначе. Орка с таким талисманом могла получить власть над человеком... и даже над неразумным эльфом. Что скажешь теперь о своей судьбе, Нарендил?

— Этого не может быть, — сказал молодой эльф, из последних сил сдерживая отчаяние. — Она ненавидит уруков. Она провела некоторое время в их войске, но она не из них.

— А я не говорил, что она урука, — невозмутимо ответил Тингрил. — И облик ее, и повадки, точно, не совсем орочки, но она малоросла и тоща... Да что тебе до ее племени? Она может и не ведать, в чем сила талисмана, от ее невежества этой силы не убавится. Прислушайся к себе. Вспомни, что случилось с тобой, когда ты впервые заговорил с ней?

— Что случилось со мной, — растерянно повторил Нарендил. — Мне стало весело. Будто зло, которым полна долина, начало отступать. Неужели это был... — Он умолк.

— Это был морок, Нариндол, — договорил за него Тингрил. — Зло отступает, чтобы снова напасть. Ты жаждал отдыха, торопился снять доспехи. Она воспользовалась твоей усталостью, чтобы навести чары. Счастье, что ты побрезговал тайным бегством. Теперь у тебя есть надежда. Чары будут развеяны. Слушай.

Поющего Тингрила никто бы не уподобил Человеку, самый голос его словно принадлежал кому-то из героев древности, словно пели звезды и черные скалы. Никогда прежде Нарендил не слышал этой песни, но тут же в нем проснулось давнее воспоминание. Яркое солнце в лесной траве, крошечные белые цветы под ногами, и знакомый голос: «... Они нападают в чаще и высасывают кровь...», и нельзя поднять глаза, чтобы не показать страха. То были черные дни, когда каждый спрашивал сам себя, удастся ли ныне отразить натиск, и ответа никто не знал... Теперь, как тогда, он заново прощался с чем-то, что, казалось, не могло его покинуть. Ужас и удивление превозмогали скорбь — так воин видит на земле руку, отсеченную клинком, и уж потом ощущает страшную боль в обрубке.

Нарендил понял, что слышит плач по себе самому. Ни слова в песне не было о нем, но это он скакал на горячем коне во весь опор, а тот, кто тихо стоял и глядел ему вслед, безоружный, одинокий, обреченный, тоже был он сам, Нарендил, Нариндол Рыжий, эльф Сумеречья. Ты потеряешь свою сущность, говорил он себе. Ты утратишь имя, ибо некому будет окликнуть тебя. Ты не увидишь более ни матери, ни родного дома. Ты перестанешь быть Эльфом, забудешь и речь, и музыку, из памяти твоей уйдет жизнь и она обратится в пыльную книгу. Ты ничего не получишь взамен, и ты вечно будешь скитаться, лишенный облика, подобный тени, что ищет дорогу в Мандос... Он и сам уже готов был плакать по себе, как по ушедшему другу. Рушился мир, который носит в своей груди каждый из обитателей Арды. Сгинул навеки тот, кто пел о Дагор-нуин-Гилиат и об оружии нолдор. Нет больше того, кто за час до рассвета, в молочном тумане срезал кинжалом синие ирисы у запруды Эйфель Даэн. Нет того, к кому прилетал зимородок. Нет того, кто после первой битвы в Бурых Землях сложил боевую песню на Всеобщем языке, а наутро услышал, как ее распевает бородатый копейщик из войска Эсгарота... Больно было вспоминать все это, но вдруг он узнал, что расставание не произошло наяву. Плакать не о чем — это только песня. Стоит ей закончиться, и призрачный Нарендил, подобный тени Мандоса, исчезнет без следа... И тут он снова увидел, как поблескивают мокрые стены в темной пещерке. Хаштах по-прежнему сидела прислонившись к камню и запрокинув голову. Он заглянул ей в лицо и

понял, что она мертва.

— Нет! — громко сказал он и вскочил на ноги. Песня была прервана. Молчание Тингрила требовало ответа.

— Кто снимет чары с нее? — как в бреду произнес Нарендил. — Она говорит, что это я зачаровал ее. Я должен вернуться к ней.

— Я не могу тебе запретить, — сказал Тингрил, не трогаясь с места. — Мы не на войне.

— Поэтому я уезжаю тотчас же, — отозвался Нарендил. — Я беру свой мешок, свою долю еды и Рамиона. Когда вы вернетесь в Сумеречье... не говорите моей матери правды. Скажи, что я взял в жены женщину из горных Людей и не смог вернуться. Скажи, как сочтешь нужным. Отдай ей этот перстень. (Предводитель даже не повернул головы, и Нарендил бережно положил перстень на землю.) Прости, о Тингрил. Я уйду.

— Как я предстану перед Марвен? — глухо выговорил Тингрил.

Следующего движения Нарендил не заметил. Он не успел понять, что произошло. — Перед его глазами вспыхнуло огненное колесо — меч, в котором отражалось пламя костра, очертил страшный круг и замер. Тингрил стоял у него на пути, с мечом, готовым разить.

— Я не могу приказать тебе остаться, Нариндол, — голос предводителя был молодым — ни усталости, ни скорби не звучало в нем, а только неистовый гнев. — Зато я могу не дать тебе уйти. Нет, кинжал не послужит против моего клинка. Если ты уйдешь с дочерью Проклятых, она тебя погубит. Здесь и сейчас — клянись, что оставишь свой замысел, или я убью тебя.

Смерть подошла вплотную. Нарендил знал это по особой ясности, которую обрели прошлое и настоящее, — словно он прочел последние строчки книги.

— Я выбираю скорую гибель, — внятно сказал он. — Прощай.

Он заставил себя выпустить рукоять кинжала и шагнул вперед. Прощай, Дева Орков, мысленно говорил он. Прощай, век бы нам не встретиться в этой долине, невидимой Эру. Он не зажмурился, когда свистнул разрушаемый воздух.

Коротко вскрикнул Тингрил. Ужасный меч лежал на земле. Нарендил был жив — боль ударила в плечо, и быстрая кровь уже текла за пазуху.

— Нет. Это было безумие, — едва расслышал он, прижимая ладонь к ране. — Я не сделаю этого. — Тингрил поднял голову и громко крикнул четверем эльфам, с луками и мечами бегущим к костру: — Слушайте приказ! Я отпускаю его! — И затем сказал Нарендилу:

— Уходи.

Нарендилу перевязали рану. К седлу Рамиона приторочили мешок. Никто не задавал вопросов, не произносил слов прощания. Молчал и сам Нарендил, стараясь превозмочь тоску, что терзала его. Только под конец он обернулся к товарищам и сказал:

— Прощайте.

Эльфы стояли молча, ни единым словом не желая проводить его. Но кто-то крикнул, когда Нарендил, ведя Рамиона в поводу, уже одолел половину спуска, — чей голос, не понять было:

— Прощай, Нариндол!

В пещерке было очень тихо — никаких звуков, кроме назойливых капель. Маленькая фигурка скорчилась у дальней стены. Нарендил остановился, пораженный внезапным ужасом. Потом рванулся к ней, схватил за плечо, позвал. Она была жива, но без памяти — и так долго пролежала на холодном камне, что сердце билось едва-едва. На руках у эльфа она

мало-помалу отогрелась и пришла в себя. Открылись и блеснули глаза.

— Ты пришел, — сказала она. — Ты живой, Нарендил. Я подумала, что тебя убили.

— Ну что ты, звездочка, — ласково, будто успокаивая ребенка, сказал Нарендил. —

Никто не мог меня убить. С чего ты вздумала такое?

— Всех можно убить, — убежденно сказала Хаштах. — Вот и кровь у тебя. Я чую.

— А, кровь... Но она уже остановилась. Это неглубокая рана. Пойдем, конь ожидает нас внизу. Нам больше нечего здесь делать.

Одежда рослого эльфа была, конечно, велика для Хаштах. Нарендил проколол кинжалом новую дырку в поясном ремне, а орка сама ловко подвернула рукава куртки и штанины. Носить чужое ей было не впервой, а красота и благородство осанки, похоже, мало ее заботили. Сложнее было другое: многие лиги им предстояло проделать верхом, Рамион же был боевой конь, и он хорошо знал, кто такие орки. Как ни успокаивал его Нарендил, он дрожал и всхрапывал, едва Хаштах подходила ближе, чем на пять шагов. По всему было видно, что нелегко будет убедить его нести такую всадницу.

Нарендил не торопился, уговаривал коня без нетерпения и злобы. «Что поделаешь, уж если квэнди не желают нас видеть, вся надежда на кэлвар, верно, друг?» В орочьей деревне опять смердели навозным дымом очаги. С дымом доносились дикие визги и многоголосый сиплый рев — видно, поганый Магорх решил вознаградить себя за неудачу.

— Не жалко оставлять деревню? — спросил эльф, но сам же и понял бессмысленность вопроса.

Наконец Рамион примирился с прихотью хозяина, встал смирно и только косил глазом. Нарендил подозвал Хаштах.

— Подойди, не бойся — Рамион согласен тебя везти. Залезешь сюда? — он похлопал ладонью перед седлом.

Хаштах тут же ухватила за луку и подпрыгнула, оттолкнувшись здоровой ногой. Нарендил и помочь ей не успел, как она уже лежала поперек холки.

— О, да ты молодец. Теперь садись, — он подставил ей под ступню ладонь стремячком, но она удивленно глянула на него, изогнув шею.

— Куда садиться?

— Ты когда-нибудь ездила на лошади?

Удивление перешло в оскорбленную гордость:

— Много раз ездила! Ты привязывай крепче!

Значит, так подобает леди орков ездить верхом — притороченной к седлу, словно мешок.

— Ну нет, это не годится, — сказал он вслух. — Ты садись, как я сяду, только впереди, поняла?

— Я сяду как воин? — с восторгом спросила орка.

— Как воин, — улыбнувшись, подтвердил эльф. — Вот так.

— Высоко получилось... — Хаштах вцепилась в гриву. Рамион встревоженно затоптался и задергал кожей. — Ты меня все равно привяжи.

— Обязательно привяжу. А ты не ерзай, сиди спокойно.

Он вскочил в седло и тронул поводья. Рамион пошел шагом, цокот копыт подхватило эхо. Достигнув места, где ручей сворачивал в ущелье, Нарендил пустил коня рысью. До рассвета было еще далеко, но звездная ночь не темна для эльфийских (и орочьих) глаз. Рамион, хоть его и тревожила непривычная ноша, повиновался каждому движению хозяина.

Звериный гомон деревни остался позади, разбившись о скалы. Зато ясно раздавалось в ущелье пение эльфийского лагеря. Эльфы, которых Нарендилу не суждено было вновь увидеть, пели «Сказание о Феаноре» — то, что он любил более всех. Это было истинным прощанием. Он поискал глазами Звезду Эарендила — должно быть, стена ущелья скрывала ее.

Но вот оно перешло в широкую тропу, на которой могли бы разминуться два всадника. Тропа постепенно поворачивала на запад. Рамион ускорил бег, и его гриву поднял ветер. Орка посмотрела на Нарендила, запрокинув голову. Глаза ее светились.

— Можно, я визгну?

— Не надо, коня испугаешь. Лучше спой.

— Тоже испугаю, — подумав, ответила Хаштах.

— Тогда смотри вперед, — Нарендил показал рукой. — Это плывет корабль в небесных водах, и у того, кто правит им, — Сверкающий Камень...

Так началось путешествие эльфа и орки. Более месяца скакали они вдоль западных склонов Мглистых гор, из Эрегиона в земли Дунгара. Нарендил не пожелал ни возвращаться в Сумеречье, ни просить убежища в Дольне. Он выбрал путь на юго-запад. Быть может, его вела смутная тяга к Морю — горные хребты рано или поздно вывели бы их на побережье. Быть может, они попросту искали тепла, следовали не за Звездой Эарендила, а за солнцем. Ночами бывало так холодно, что путники поневоле останавливались и разводили огонь.

На первом же привале, когда эльф и орка сидели у чахлого костерка, вдвоем завернувшись в подбитый мехом плащ, Нарендил принялся осторожно расспрашивать Хаштах о ее талисмани. Он не забывал о словах Тингрила. Орка охотно и даже весело призналась, что Белую Руку она украла в лагере уруков, в ночь, когда сбежала от сотника. Не у самого сотника, а у его дружка, «тоже падали», который спал рядом с ним:

— Он упился вина и тамошнего пива, — рассказ о давнишней удаче доставлял Хаштах удовольствие, глаза ее сверкали, — и не мог встать с места даже по нужде. Я подошла сзади и сняла цепочку у него с шеи, и смеялась. Ух и ревел он, и злился, что не может меня поймать. А когда проспался, пошел вместе с сотником в тот лагерь, за мной. Ну, и с ним было то же, что с тем, — копьё воткнули в брюхо.

— И с тех пор ты носишь ее?

— Да, — сказала Хаштах и нежно провела пальцем по золотой сетке. — Я сперва думала ее обменять на хлеб или мясо, а потом пожалела. Даже нарочно цепочку завязала, чтобы не снималась.

— А почему ты так решила? — спросил Нарендил. — Или тебе не хотелось есть?

В ушах у него звучал голос Тингрила: «Вспомни, кого Проклятое Племя называет Белой Рукой!.. Она может и не ведать, в чем сила талисмана... Она может и не ведать...»

— Еще как хотелось! — с сердцем воскликнула орка. — Только... еда, ее съешь — и все, ищи новую. А если я Белую Руку отдам, у меня такой шутки уж больше не будет. Она такая... Ну, как ты говоришь — она меня любит.

Вот поэтому Нарендил не посмел просить ее снять украшение. Будь это в самом деле приворотный талисман Курунира, или просто единственная красивая вещь, какой обладала орка, не зная самого слова «красота», — ясно, что Хаштах его возненавидит. Он положил себе не думать об этом до поры, избегал даже задерживать взгляд на Белой Руке. Если здесь и вправду были чары (во что он, вопреки предостережениям, не верил всерьез: не сауронову слуге принадлежала такая рука), они оказались слишком искусны и сильны, чтобы бороться

с ними.

Припасы в мешке кончились на шестой день. К тому времени путники уже достигли Эрегиона. Мглистые горы отделились, подернулись дымкой, и только их длинные тени, как продолжение ночи, перед восходом тянулись над землей — в самый холодный час, пока солнце не сверкнет из-за вершин. Впрочем, в землях Эрегиона было много теплее, чем в горах. Падубы простирала ветви над лощинами, серые камни скрыла тонкая высокая трава. Стали слышны птичьи голоса, а в кустарнике, что карабкался на склоны, начали попадаться звериные тропы. Но ни эльф, ни гном не прокладывали здесь дорог с незапамятных времен. Только звери и птицы, едва смерклось Багровое Око, вернулись в доселе пустынный край. Теперь здесь вновь была неплохая охота, а в рощах хватало грибов и ягод.

Нарендил не решился надолго остаться в Эрегионе. Зима в предгорьях суровая, а жилища без топора не выстроить. Дальнейший путь пролегал через дунгарские степи — а там издавна плохо с пищей и водой. Поэтому они задержались ровно настолько, чтобы накопить мяса и налущить орехов в мешки.

Им пришлось остановиться на открытом месте — Хаштах боялась падубовых рощ. Каждый раз, когда они ехали среди деревьев, орка тесно прижималась к Нарендилу, вцеплялась обеими руками в край его плаща и мелко дрожала. Ее дикий взгляд так и метался из стороны в сторону, вверх и вниз, стараясь схватить каждое движение леса, — а лес раскачивал ветвями, листья шелестели, пятна света кружились и дрожали повсюду, и что-то шевелилось в кустах, и кто-то кричал тонким голосом... Еще хуже было ночью. Послушавшись Нарендила, Хаштах сворачивалась клубком, натягивала на голову плащ и засыпала. — Но стоило ветерку прощуршать в кронах, она подскакивала со страшным криком и опрометью бежала, хромя, куда ноги несут. Ночной лес казался ей пещерой, шум ветвей над головой — близким обвалом или наводнением, а может быть, какой-нибудь иной, ужаснейшей напастью, о которой не ведают в Верхнем Мире. После того как ноги занесли перепуганную орку в заросли ежевики, Нарендил не волил ее приближаться к деревьям.

Здесь начались тяжелые дни для обоих. Беглецы остановились и посмотрели друг на друга. Эльф увидел орку, орка — эльфа, и пророчества Тингрила стали сбываться. Трудно выбрать имя для тех дней — тоска, отчаяние, одиночество и страх одиночества, предчувствие гибели... Отпустив тетиву и услышав, как хрустит валежник под падающей ланью, Нарендил искал рог у пояса — и вспоминал, что охотится один, и не будет веселого пути домой, с добычей за плечами, и никто не ждет его, кроме маленькой неразумной орки. Нет для изгоя ничего страшней, чем первые дни изгнанничества. Нарендил видел сны: Сумеречье, дом, друзья, охота принцев, песенные турниры, путешествие на ладьях к Эсгароту... Порой он во сне забывал о яви; но чаще вздыхал, метался, бредил на родном наречии, и взгляд Хаштах прерывал его сон — пристальный, ничего не выражающий взгляд дикого зверя.

Как пойманный зверь, мучилась и она. Путы, наложенные эльфийскими чарами, оказались тяжелы для орки. Нарендил надолго запомнил день, когда она в первый раз меняла ему повязку на плече. Увидев открытую рану, она безудержно расплакалась и едва смогла связать концами полотно. Нарендил попытался утешить ее, уверял, что ему не больно и что скоро не останется и следа, но вдруг Хаштах оттолкнула его и бросилась ничком на землю, колотя кулаками и жутко рыча. Насилу-то он понял из ее бессвязных выкриков, что она считает себя околдованной. Удар, нанесенный не ей, причиняет ей боль — это ли не эльфийские козни?! Ну ничего, проклятые эльфы еще поплатятся... И Нарендил поплатился

сполна. Кто сочтет, сколько мерзких и злых орочьих выходок пришлось ему снести, прежде чем Хаштах смирилась со страшным унижением? Но странное дело, пока он нянчился с разъяренной дочерью Мордора, отступала и его тоска, глаза снова видели солнечный свет. Словно создавалось что-то взамен утраченного. Казалось бы, нелепо и предположить подобное — но ведь и само солнце было когда-то всего лишь заменой утраченному свету.

Был, наверное, и такой час, когда слезы текли по его щекам, и орка вытирала их ладошкой, но никто, кроме оленей, лис да соек, этого не видал.

Когда они снова двинулись в путь, — а было это в начале сентября, — Нарендил, сперва посмеиваясь, а потом все привычнее и серьезнее, стал называть свою спутницу «Мелайне» — так дочь Мордора выговаривала квэнийское «люблю». Хаштах с радостью откликнулась на прозвище, да так оно за ней и осталось. И то сказать — горделивый вызов, что слышался в квэнийских корнях нового имени, как нельзя лучше подходил к ее нраву. Нарендил не знал и не узнал никогда, что в одном из Людских наречий «Мелайне» означает «Черная»^[7].

На равнинах Дунгара их поджидали новые испытания. Мелайне внезапно заболела: то ли степные ветры принесли заразу, то ли проснулась старая хворь, которой прежде не давал вырваться наружу страх маленькой орки, окруженной врагами. Беда пришла ночью. Обыкновенно просыпались они под звездами и тут же продолжали свой путь. Ночь любили все трое, считая коня, темноты не боялись, но привыкли бодрствовать днем — когда орки прячутся по норам. Поэтому ехали с рассвета до заката, а там уж искали место для ночевки. Спали они по-прежнему под одним меховым плащом — ничего теплее не было в их имуществе. Нарендил проснулся от близкого жара, Мелайне была горячая, как камень в очаге. Скоро началась лихорадка. Орка в беспомощности просила воды, и что толку, что Нарендил понимал ее — пить-то в степи было нечего, воду в бурдюке надлежало беречь. Пришлось повернуть на восток. У маленькой речушки, стекающей с гор, они остановились. Жар спадал и начинался вновь. Мелайне так ослабела за какую-то неделю, что едва приоткрывала огромные глаза, потемневшие от болезни. Нарендил излазил все скалы вокруг, ища подходящие травы, но то, что он находил, мало помогало. Он пытался передать Мелайне часть своих сил, но жар пожирал все, истощая обоих.

Наконец в степи появилось кочующее племя. У лекаря-колдуна отыскалось нужное снадобье. За флягу с зельем и котелок тушеной козлятины Нарендил отдал ему свой кинжал. Эльфийская сталь и берилл на рукояти, вероятно, превышали по настоящей своей цене все достояние пастухов-кочевников, но колдун, узнав болотную лихорадку, назначил мену — и выбирать путникам не пришлось.

Хворь отступила через несколько дней. Приступы время от времени возобновлялись, но между приступами Мелайне могла держаться на лошади. Нарендил давно понял, что до Моря им не добраться — зима близилась, да и что им было делать у Моря?.. И они не свернули на запад от южной оконечности Мглистых гор, а отправились в земли Рохана. Там они и остались — в еловом лесу к северо-востоку от широкой долины, разделяющей Мглистые и Белые горы. Долиной проходил Южный тракт. На западе бурьяном цвели пожарища Изенгарда, а с востока подступал Фангорн — Энтов Лес, о котором пели в Сумеречье.

С тех пор как окончилась Война, Лес двинулся на запад, год за годом расширяясь, вбирая в себя угрюмый ельник, спускавшийся с горных склонов, молодой порослью заполняя Пустоземье. Лес, под сень которого вошел Нарендил, еще не сомкнул свои кроны с кронами Фангорна, но этому предстояло случиться вскоре — прежде, чем уйдут Люди, помнящие

дым над Изенгардом. Фангорн был совсем близок, едва ли в пяти роханских милях. Песни оказались правдой — все здесь дышало баснословными временами Предначальной Эпохи, светлейшим сном эльфийского народа. У Леса были Хозяева более могущественные, чем роханские лесничие. Эльф присягнул бы им, если бы они нуждались в его службе. Но в этом поистине дивном лесу, где буки и вязы сменяли ель, как полдень сменяет утро, Нарендил мог только смиренно просить дозволения остаться возле его границ.

Сперва это казалось несбыточным — из-за Мелайне. Теперь было иначе, чем в Эрегионе: тамошний лес не понравился ей, а здесь — она не понравилась Лесу. Она испугаться-то не успела — тяжелая усталость напозла, как болотный туман, было трудно дышать и клонило в сон. Нарендил много слышал о ненависти Пастырей Дерев ко всему племени орков, но слышал он и то, что Энты мудры и справедливы. Он надеялся, что орочья кровь простится беспомощному созданию, не убившему ни одного дерева. Должно быть, так и случилось — на третий день сонная одурь слетела, как и не было ее. Мелайне проснулась на крошечной полянке, возле ручья, и в небе над ее головой, словно зеленое облако, распласталась ветка бука.

— Нарендил.

— Да? — он, конечно, был подле нее.

— Я болела?

— Ты крепко спала. Жара не было.

— Есть хочу. У нас есть мясо?

Мясо еще оставалось. Мелайне уселась, скрестив ноги, на ложе из сухого мха, нож в ее руке ловко отрезал куски вяленой оленины. Жуя, она озиралась по сторонам с видом вовсе не сонным.

— Что это за место?

— Это Лес Энтов. Мы можем здесь остаться, если захотим...

Он не договорил. Мелайне ахнула и, выронив нож, схватилась за шею.

— Вот она, не волнуйся, — Нарендил отдал ей Белую Руку. — Цепочка перетерлась — я ее укоротил и сделал застежку. Держи.

Он говорил почти что правду. Когда Мелайне уснула и он впервые взял в руку ее талисман, то действительно нашел в цепочке звено, готовое сломаться, — возле того места, где она была завязана в узелок. Стоит легонько дернуть, и цепочка порвется. Нарендил понял, что должен это сделать, едва сон начал одолевать Мелайне. Лес показал свою силу. Значит, Белую Ручку нужно снять, ибо сильнее, чем орков, Энты Фангорна ненавидят лишь Курунира, их хозяина. И по сей день корни Леса грызут камни его разрушенной твердыни, всего в нескольких десятках миль от этой лужайки. Изенгард лежит в руинах, и трава оплела отбитые пальцы Белой Руки — но тем страшнее будет гнев Энтов для того, кто вновь принесет сюда этот знак. Если это действительно знак...

Все же он не сразу осмелился разорвать цепочку. Что случится затем — проснется ли Мелайне, обратят ли Энты свой гнев на него, Нарендила... и кто сейчас спит перед ним: его большая любовь или гнусная орка? Может быть, Тингрил был кругом прав, и только неверно ударил мечом. Тогда останется одно — исправить его оплошность...

Но ничего не случилось. Ни тени, ни вспышки, ни холода, ни жара, ни шороха в чаще, ни ватной глухоты. Мелайне мирно спала, пятна света дрожали на ее лице, но само лицо ничуть не изменилось. Нарендил по-прежнему видел эльфа, изнуренного, но не сломленного жестокими испытаниями. Безделушка, оправленная в золото, лежала на его ладони. И не

будучи Магом или Высоким Эльфом, Нарендил мог поручиться: никаких магических сил в ней не было, или они сгинули давным-давно. Ничего темного, ничего связанного с обладанием, властью... Разве смутная мысль или тень чужого воспоминания. Воистину, эта вещь как нельзя лучше подходила для того, чтобы испытать его собственные чары. Нарендил осторожно провел пальцем по ячейкам золотой сети. Мелькающие видения малопомалу замедлялись и становились отчетливей. Сумерки над равниной, замерзающий дождь, теплая тень слева... Темнота, наполненная еле слышными звуками... Град ударов, приближение отвратительной смерти... Все это принадлежало Хашгах, дышало ее дыханием и двигалось ее движениями. Другие картины эльфу совсем не удавалось удержать, слишком гадко было присутствие орка — не иначе, того самого урука, прежнего владельца Белой Руки, или нескольких таких же. Внезапно видение стало ясным: багровая пыль в небе, горы у горизонта, и внезапный тусклый блеск вороненой стали у самых глаз... Нарендил чуть не выронил талисман: это было почти наяву, не чета всем предыдущим образам, что таяли не успев возникнуть. Но он уже опять ничего не видел, все исчезло, рассыпалось. Сколько он не всматривался, видение не вернулось. Почему-то ему представилось лицо матери. Марвен Рыжая глядела мимо него, на голове ее был веночек из белых лилий, но в глазах — смертная тоска, которой он пуще всего боялся ребенком. Голос Марвен пропел:

Моей руке не уберечь
Зерна в обугленной земле,
Не погасить огонь в золе,
Не отвести кровавый меч.
Утратив музыку и речь,
Я не найду тебя во мгле.

Нарендил утер пот со лба. Могло ли это быть? Багровое небо над Бурыми Землями — явь, которую помнит он сам. Но никогда ему, благодарение Валар, не случалось биться пешим и без шлема. Те шесть стихов — мать и вправду пела эту странную песню, теперь ему казалось непостижимым, что он мог так надолго забыть ее. «Моей руке не уберечь...» Он дивился своей слепоте. Белая Рука не была рукой Марвен, как узор на его одежде — не листва живого плюща. И все же сходство таково, что ошибиться нельзя. Рука, что пришивала оторванную застежку к его куртке, замешивала тесто для лепешек, вертела веретено и бережно поворачивала колки арфы — она и послужила моделью для мастера. И значит, тот, с кого сорвали цепочку грязные лапы орков, был его отец?

Видение может и лгать. Но что тогда означает это сходство? Нарендил знал, что угадал верно. Чья была воля в том, чтобы талисман не спас своего хозяина и в конце концов оказался на шее у маленькой орки, и может ли кара превратиться в милость — спрашивать бесполезно. Нарендил и не спрашивал. В те два дня он навсегда излечился от мучительных сомнений.

То, что было потом, могло показаться чудом. Мелайне полюбила Лес. От ее страхов тоже не осталось и следа, словно она всю свою жизнь провела здесь, а Мглистые горы, война и орочьи орды просто-напросто приснились ей вот на этой полянке. Словно Лес и вправду был ее родным домом, а прошедшие годы — годами плена.

Как-то раз, когда они лесными тропами пробирались на восток, Нарендил заметил

молодое деревце, надломленное кабанами. Он срубил дубок ударами ножа, очистил от коры и выгнул для Мелайне лук, поставив на него запасную тетиву. Лук получился небольшой, но хозяйке по росту — упираясь одним концом в землю, другим доставал ей до плеча. Мелайне стала отличной охотницей, как только привыкла к новому оружию и усвоила, что стрелу, в отличие от камня, сносит ветер. Подобной спутницы не постыдился бы сам Оромэ — она была стрелой так верно, как другому не ударить кинжалом.

Однако под сенью Леса от зимы не спасешься. Надо было подумать о жилье. К западу, у заброшенной горной дороги, что вела когда-то в Изенгард, было немало елового сухостоя. Из него-то Нарендил и выстроил дом. Рассказывали, что ему помогал роханский лесничий, имя которого называли по-разному: то Теодмунд, то Йовайн (оттого, наверное, что несколько лесничих сменилось, пока Нарендил и Мелайне жили в Рохане). Ничего не известно о том, почему он не изгнал из пограничного леса подозрительных чужаков, а, напротив, оказал им покровительство. Можно лишь догадываться, что ему пришлось по сердцу: эльфийская ли кровь Нарендила, охотничьи ли замашки Мелайне, подходящие скорее ловчему королевской охоты, чем юной девушке, или все это вместе... Но с первых дней у границ Рохана лесничие и охотники были им друзьями.

Дом стоял в лесу, милях в пятидесяти от Южного тракта. Был он невелик, и ничем бы не отличался от сторожки лесничего, когда бы из боковушки не тянуло дымком и не доносилось звонкое постукивание металла о металл. Спокон веков Дивный Народ не гнушался кузнечных ремесел: отковывать, чеканить и шлифовать не менее пристало эльфу, чем петь и слагать стихи. Нарендил не знал секретов эльфийской стали, лишь слегка был знаком с резьбой по камню, но считался в Сумеречье искусным чеканщиком. Конечно, и самого искусного из его сородичей многократно превосходили в мастерстве гномы Одинокой Горы, и смешно было бы тягаться с ними всерьез. Зато эльф умел изобразить в металле зверя и птицу, которых мастера, живущие Под Горой, видали разве что жареными, на пиршественном столе, если видали вообще. Разглядывая его изделия, гномы ворчали себе в бороды, что молотком стучать — это, само собой, не то что песни в лесу распевать, но глаз у певуна верный, тут не поспоришь...

Еще до наступления зимы Нарендил вместе с Мелайне отправился в Эдорас. Он продал перстни, сбрую Рамиона, даже меч, заменив его обычным, местнойковки, и купил инструменты и меру серебра. Через месяц он снова навестил столицу и вышел из первой же лавки с полным кошельком золота. Половину они тут же потратили на конской ярмарке. Живя в Рохане, смешно ездить вдвоем на одной лошади. Для Мелайне купили маленького гнедого конька.

Нарендилу было в радость ремесло, к которому он вернулся впервые после падения Врага. Долгие годы, пока Завеса Тьмы тянулась к сердцу Сумеречья, он не прикасался к чекану и молоточку. Да и потом, среди праздников и песен, как-то не находилось часу, или не хватало охоты. Зато теперь кубки и кружки, запястья и серьги, пряжки и подвески веселили его сердце, как никогда раньше. Лунным светом наполнялось серебро, и тенями проступали в нем птицы, звери и травы. Олени склоняли ветвистые рога, лисы пробирались сквозь высокий папоротник, хмель обвивал высокую чашу, цепляясь кручеными усиками за ее края... Работал Нарендил небыстро — без подмастерий, и все же слава эльфа-чеканщика из западных лесов разнеслась по Рохану в первый же год.

С тех пор не было надобности искать купцов-перекупщиков — они являлись сами, званые и незваные. Несколько раз в год Нарендил и Мелайне наезжали в Эдорас, купить еды,

одежды и всего, что душа пожелает. Народ на улицах и в лавках с боязливым удивлением разглядывал странную пару: высокий рыжеволосый эльф — и маленькая женщина нездешнего и недоброго обличья, оба в одинаковых зеленых одеждах. Уступив просьбам Нарендила, Мелайне отрастила волосы и стала заплетать их в косы. Но одевалась она по-прежнему в мужское платье, а длинный подол находила нелепым и неудобным.

Орка не изменила зеленым штанам и тогда, когда всерьез взялась за немудреное хозяйство в лесном домике. Стряпня ее оказалось не столь отвратительной, как можно было ожидать, вот только травы и коренья она сыпала в еду безо всякого понятия. Нарендил сперва отпускал шутки, когда его удалая охотница сбрасывала плащ, закатывала рукава и шла замешивать опару — уж очень забавна была хозяйюшка в штанах и куртке. Но хлеб получался не хуже, чем у домовитых роханских крестьянок, и он перестал насмехаться. Если же хозяйюшка слишком поздно возвращалась из лесу — ужинали чем придется, запивая водой.

Это случилось, когда Нарендил и Мелайне встретили в лесах Фангорна свою третью весну. Наступил май, дороги высохли, и вновь стало возможно побывать в Эдорасе. Они выехали на рассвете, и скакали весь день и всю ночь, останавливаясь в пути лишь для краткого отдыха. Ветер приносил с лугов запахи весеннего разнотравья. Утро встретило их в нескольких лигах от городского вала. Снегом сверкали вершины гор, золотом — Чертоги Королей на вершине холма, белые симбелины раскрывали свои венчики на курганах по обе стороны дороги. Стражники, спросив имена у проезжающих, отвели в стороны копья, и восемь подков весело зацокали по белому камню. Мощеная улица поднималась на холм и вела к рыночной площади, но Нарендил и Мелайне не спешили туда. День только начался, а после долгого пути не грех и отдохнуть. Они ехали шагом, говорили обо всем, что видели, и подшучивали друг над другом, как это было у них заведено, покуда умные животные не остановились сами у коновязи напротив трактира «Чаша Йорла». Чаша, изображенная на вывеске, и впрямь пришлась бы впору одному из легендарных королей.

— Здравствуй, почтенный хозяин! — Нарендил высыпал из кошелья на ладонь три золотых и подбросил их, чтоб звенели. — Не найдется ли в твоём погребе светлого вина из Остфолда?

— Как не найтись! Милости просим вас, мастер эльф и досточтимая госпожа! Лучшее моего светлого вина и в самом Остфолде не найти! Да вот ваши товарищи не дадут соврать — спросите у них, хорошо ли вино в «Чаше Йорла»!..

— Мои товарищи? — Нарендил почувствовал смутение, то ли радость, то ли испуг. Он понял, что трактирщик имеет в виду эльфов. Но эльфы здесь, на Юге, в землях Людей — что за удивительный случай?

— Истинно так — из самого Итилиена, двое, вот что привозили дары нашему Королю... Да я думаю, они знакомцы ваши?..

Нарендил уже не слышал его. Золотые выпали из его руки, звучно ударились о ступени. Из приоткрытой двери донесся смех — он не мог ошибиться, Люди так не смеялись. Трактирщик едва успел посторониться, давая дорогу новому гостю.

Зал был полон, но Нарендил увидел их сразу — лица столь светлые в полумраке, будто озаренные невидимыми звездами. Но прежде, чем он сам успел узнать, прозвучал возглас:

— Нариндол!

Когда в последний раз его так называли? Огромные синие глаза, лицо блее серебристых волос..

— Имлас!

— Приветствую тебя, друг. — Второй был незнаком Нарендилу, но судя по выговору, тоже мог быть его соплеменником. — Мое имя Амрос.

— Счастливая встреча! — сказал Нарендил и улыбнулся, забыв обо всем. Каждое слово родного наречия приносило неизъяснимую радость, будто он очнулся от вязкого безымянного кошмара, и все вещи вновь стали самими собой. — Мое имя Нарендил. Я покинул Сумеречье три года назад, и с той поры не получал вестей оттуда.

— Так садись с нами, — Амрос показал на скамью напротив. — Ешь, если ты голоден, пей вино. Эй, хозяин, еще кубок нам!

Нарендил вспомнил про оброненные монеты, и тут же его тронули за локоть. Мелайне протягивала ему на выпрямленной ладони три золотых. Лицо ее было бесстрастно, ни улыбки, ни досады. Но он и так знал, что обидел ее.

— Вот Мелайне, моя жена, — сказал он на Всеобщем языке и за руку подвел ее к столу. Имлас едва наклонил голову, синие глаза его заледенели. Амрос приветствовал госпожу как подобает, но и в его поклоне было замешательство.

— Имя, приносящее удачу, — неуверенно улыбнулся он. — Кто же из Айнур возлюбил госпожу?

— Спроси у него — это он меня так зовет, — тихо ответила Мелайне. Она знала, что значит ее имя, но никто доселе не спрашивал ее об этом.

— Если говорить о Валар, то, конечно, Оромэ Охотник, — спокойно ответил Нарендил и обнял жену за плечи. — Она бьет из лука лучше, чем я... Вот твои золотые, хозяин, — а где наше светлое вино?!

Теперь он заметил богатые одежды обоих эльфов, драгоценные ожерелья, искусное шитье. Трактирщик что-то говорил о дарах Королю Рохана?.. Но прежде он спросил о главном:

— Скажи мне, что с Марвен?

Имлас не торопился с ответом, глаза его по-прежнему были холоднее сапфиров в налобном обруче.

— Леди Марвен с Эйфель Даэн была в добром здравии, когда мы уезжали, — ответил за него Амрос. — Но она теперь не поет на праздниках и живет одна, печалась по сыну. Он не вернулся из гор... — Амрос внезапно понял и умолк.

— Я — ее сын.

— Ох, прости мою глупость.

— Ты не виноват, друг, — я виноват. Всех пыток Черного мало было бы для меня после того, как я ее покинул, — (Имлас быстро взглянул на него), — ...но сделанного не поправишь. Я не спросил, скоро ли вы возвращаетесь?

— Если ты спрашиваешь про Эрин Ласгален, — помолчав, сказал Амрос, — мы туда не возвращаемся. Разве что погостить соберемся...

Изумление, написанное на лице Нарендила, было таково, что даже Имлас улыбнулся.

— Наш дом теперь в Северном Итилиене.

— В Итилиене? В Гондоре?! — В Гондоре, в десяти днях пути отсюда. Нас привел туда Леголас... да, он самый: сын Владыки Трандуила, один из Девяти Хранителей Кольца. Думаю, никто из нас не сожалеет, что пошел за ним. Это дивная страна, хоть тамошние леса совсем непохожи на северные. Воздух теплее, а цветы и травы будто из песен. Даже сам Андуин течет иначе: здесь он шире и светлей...

Нарендил не заметил, когда они вновь перешли с Вестрона на лесное наречие.

— Расскажите о Леголасе, — попросил Нарендил. — Я не видал его с того дня, как он отправился на юг. Каков он сейчас, сын Трандуила?

— Он — по праву наш Владыка. Здешние Люди любят его, а оба Короля души в нем не чают. Красотой не уступит отцу... да только Владычицы у нас нет, и неведомо, будет ли. Война странно изменила его. Он подолгу бывает печален, глядит на Запад и поет о Море.

— Удивительная весть. Неужели свершается судьба нашего племени?

— Называй это судьбой, — а я назову отравой Кольца, от долгой близости к нему. В этом видна последняя месть Врага. Не безумие ли — покинуть Арду теперь, в дни ее цветения?!

— Любое расставание безумно, — ответил Нарендил и поглядел на Мелайне. Кубок ее был полон, и глаза темны. — Пей вино, звездочка, не смотри на нас так.

Мелайне послушно подняла кубок, отхлебнула и улыбнулась ему в ответ.

— У нас есть вести и поудивительнее, — сказал Имлас. — Сын Трандуила водит дружбу с гномами Агларонда, по его милости их в Итилиене видимо-невидимо.

— Надо сказать, здесь они обходительнее, чем на Севере, — заметил Амрос. — Но Леголас и гномы — вот уж поистине диво. Ведь он и Мастером-то никогда не был, что ему в бородатых?..

О гномах, пришедших в пещеры Агларонда, Нарендил-чеканщик был уже наслышан — купцы порассказали. Заговорили о ремеслах. Хозяин принес еще кувшин. Имлас забыл о своей ненависти — Нариндол был совсем таким, как прежде, никаких кандалов Тьмы, никаких черных теней. Тонкие морщинки у глаз могли появиться от кропотливой работы с узорным металлом... Мелайне, не ощущая на себе ледяного взгляда, тоже мало-помалу развеселилась. Ибо нету в Средиземье существа, способного долго противиться эльфийским чарам — особенно если эльфы под хмельком. Люди в трактире — роханцы, чье недоверие к чужакам не исчезло за несколько мирных лет! — улыбались, прислушиваясь к возгласам на непонятном наречии. Экое диво, ни слова знакомого, а душа радуется... Эльфы смеялись, и светлые блики мелькали на потолке, словно от ручья в солнечный день. Эльфы сдвигали кубки, и звон был иной, чем за соседним столом. Беловолосая служанка замечталась с кружками в руках, загляделась на хохочущего Амроса, — но тут же вернулась к своим хлопотам.

...Выпили за каждого из эльфийских Владык. Выпили за здоровье Короля Элессара, и Фарамира, Князя Итилиена, и Короля Йомера. И вот Имлас снова заговорил о той осени когда разведчики вернулись в Сумеречье без Нарендила. Как видно, он ни о чем не забыл, и горечь копилась в его сердце все эти годы.

— ...Что же вы сказали там?

— Сказали, что могли, — голос Имласа был печален, но в нем звучал и вызов. — Тингрил сплел целую историю, нам оставалось только повторить. Племя горных Людей и твое упрямство. Марвен все твердила, что верит в твое счастье...

— А другие? — прервал его Нарендил.

— Другие... — Имлас усмехнулся. — Фаэлвен Лориэль у всех нас спрашивала, красива ли твоя подруга. Я отвечал, что не видал ее, она не верила и спрашивала снова. Даже сейчас порой вспоминает...

— Лориэль... — Это было прозвище, как и у него. «Златоволосая и златоглазая, солнечный свет в еловом бору...»

— Она отправилась за нами, когда поняла, что ты не вернешься. Ты сможешь увидеть ее

в Итилиене...

Может быть, Имлас говорил еще что-то, а может быть, не сказал больше ничего. Амрос внезапно вскочил, схватился за кинжал, левую руку вытянул вперед, отгоняя наваждение Тьмы. Губы его шептали заклятье — то самое, которое знал наизусть каждый в Сумеречье. Нарендил оглянулся на Мелайне. Она сидела неподвижно, положив руки на колени, а в глазах разгоралось бледное слепое пламя. — Тем страшнее, что не так уж темно было в трактире. Мелайне не выучилась эльфийскому языку, Тингрил был прав, предрекая это. Орочий выговор коверкал даже самые простые слова, — она говорила одно, а получалось другое. Но Нарендил догадывался, что она понимает лучше, чем говорит, — недаром она подолгу слушала, когда он пел. Теперь он понял, что так оно и есть. Мелайне смотрела на Имласа. А тот, если и испугался, то ничем этого не показал, точно ожидал чего-то подобного: не вставая с места, потягивал вино и с усмешкой глядел в светящиеся глаза.

— Навряд ли я поеду в Итилиен, друг Имлас, — сказал Нарендил, — а если поеду, так не затем, чтобы повидать Фаэлвен... Что с тобой, милая? Тебе надоело здесь? Прости меня, я не дал тебе отдохнуть, сразу усадил пить вино с этими веселыми эльфами...

Он заглянул ей в лицо, продолжая говорить ласковую чепуху. Зеленоватый огонь затрепетал, как пламя свечи на сквозняке, и исчез.

Амрос опустился на скамью, коснулся пальцами лба. Юная Смертная как ни в чем ни бывало прижималась к плечу Нарендила из Фангорна. Самая обыкновенная девочка, худая, смуглая, черноволосая, с огромными испуганными глазами, с амулетом на шее.

— Валар, что это было? — пробормотал он. — Мне почудилось, простите... Эй, ты... поставщик Короля Йорла! Что ты подмешал в вино?!

— Не тронь хозяина, друг Амрос, — сказал Имлас с той же холодной усмешкой, — я видел то же, что видел ты. Глаза леди непохожи на звезды.

— Но что это значит?! Он взял в жены упыря из Черного Леса?!

— Ты понапрасну оскорбляешь госпожу. Она всего только орка из Мглистых гор.

Амрос, верно, еще долго смотрел бы в великом изумлении и страхе на раскосую и смуглую жену Нарендила, но при последних словах Имласа она вскочила и побежала к двери. Нарендил бросил на стол монету.

— Прощайте, друзья.

— Постой, — начал Имлас, — ты же ничего не знаешь...

— Поздно, — ответил Нарендил, — спросим у Мандоса, кто прав, кто виноват, — договорил он на бегу.

Он едва успел схватить коня под уздцы: Мелайне уже сидела верхом. Намотав поводья на перекладину, Нарендил, к восторгу мимоидущих горожан, стащил жену с коня и поднял на руки.

— Ну что с тобой? Зачем ты убежала? Не стыдно ли?

— Стыдно, — сказала она, но словно не расслышала упрека.

— Имлас молод, вольно ему говорить о том, чего он не знает. Кому ты веришь, ему или мне?

— Он прав. — Мелайне высвободилась из его рук и прыгнула на землю. — Он верно говорил. Они... они похожи на тебя. А я — темная, — она приложила свою руку к его, — и петь по-вашему не умею. Мне стыдно.

— Я не понимаю. — Он и вправду был изумлен не меньше, чем давеча Амрос. Та, кто всегда была для него ребенком или чудным зверем вроде лесной кошки, теперь стояла перед

ним как равная. Она имела власть приказывать ему, и странное ее лицо было чужим и прекрасным, и он не мог понять, что случилось.

— Я хочу, чтобы ты вернулся к ним, — спокойно заявила Мелайне. — В Сумеречье или в Итилиен — все равно.

Сказав так, она отвернулась и с необыкновенной аккуратностью принялась поправлять жесткие пряди, выбившиеся из косы.

— А ты? — он наконец догадался, в чем дело.

— Я останусь здесь. — Она не поднимала глаз, но голос был тверд. — Мне здесь нравится.

— А как же я без тебя? — тихо спросил он, наклонившись.

Ответа не последовало. Нарендил взял маленькую руку, сжатую в кулак, и осторожно разогнул побелевшие пальцы.

— Никогда больше не говори так, — сказал он. — Ты самое прекрасное создание во всей Арде.

— Я не верю тебе. — С такой злостью это было сказано, что Нарендил словно воочию увидел за ее плечом серые скалы — в долине, затерянной где-то на Севере.

— Это твое дело, маленькая орка, — ответил он. — Верь — не верь, я не оставлю тебя... Ну, не плачь. Есть несчастья и похуже, чем я. Пойдем, поищем другой трактир. Дел у нас много, а ты не поела. Сегодня найду тебе ожерелье из зеленых камней.

— Зачем оно мне? — Мелайне уже не плакала, да вряд ли плакала вообще.

— На охоту в нем пойдешь. Говорил ли я тебе, что ты прекрасней всех?

Эльфы не согласились бы с Нарендиллом. Он и сам бы не спросил ни их, и ни Людей, — а между тем в числе непонятных даров, которыми владеют Смертные, есть дар (или проклятие) видеть красоту там, где ее нету для эльфа. Роханские девушки еще много лет спустя заговаривали своих возлюбленных «от гада и зверя, от камня и дерева, и от Черной, что охотится в лесу». Говорили даже, что на людской памяти Мелайне не старела. Это не было эльфийским бессмертием: для эльфа время — лишь волны света и сумерек, для Смертного — тяжелые удары морского прибоя, в котором устоит только упрямый. Годы скатывались, словно вода, с узких плеч Мелайне, но в лице росла усталость.

Само собой разумеется, о Рыжем Эльфе и его Черной говорили всякое и привирали густо, слишком уж чудно по роханским меркам выглядели они оба. Рассказывали шепотом о чарах, заполняющих лес, где они поселились, о странных происшествиях с путниками, о том, что сами Пастыри Дерев в дружбе с Рыжим (вот это, вероятно, было правдой)... Но кто же не знает, что настоящий купец не убоится ни темных, ни светлых чар, если речь заходит о прибыли. Серебро эльфийской чеканки, у самых границ Рохана, за баснословно низкую цену — серебро это перевешивало пугающие слухи. Кроме купцов, заезжали к Нарендилу и Мелайне охотники и собиратели трав, люди отважные и рассудительные, знающие цену лесным сказкам — добытчики другого нрава опасались приближаться к владениям Фангорна.

Однажды с тракта свернула шайка разбойников — за золотом одинокого эльфа. Шли они тихо, глубокой ночью, и все же не приблизились к дому в лесу и на пятьдесят шагов. Трое или четверо полегли, сраженные стрелами, остальные бежали.

Были, правда, и совсем иные гости. На пятый год, что Нарендил и Мелайне жили в Рохане, пришел эльфийский отряд — с севера, из самого Сумеречья. Люди запомнили того, кто вел отряд, — темноглазого эльфа с серебряными, будто седыми волосами, и прекрасную

деву или жену в черных одеждах, такую же рыжую, как Рыжий Эльф. Узнав у купцов дорогу, эти двое отправились в леса Фангорна, а через три дня снова вышли на тракт. Нарендил был с ними, он провожал их недолго и у Бродов Изена повернул назад.

Как ни удивительно, у эльфа и орки были дети — две дочери и сын, все трое обличьем вылитый отец, только волосы черные. Дети Мелайне и Нарендила жили среди людей. Сын отправился в Минас-Тирит и, говорят, поступил там на службу к Королю. Дочери вышли замуж. Старшая, по имени Марвен, — за рыцаря из Вестфолда, что часто охотился в тех местах. Младшая дочь уехала с неким странником — он был родом из Гондора, путь держал на запад и остановился в лесном домике переночевать. Родители не препятствовали дочери, и она отправилась в неведомый путь, так же, как когда-то Мелайне: вдвоем на одном коне со вчерашнем незнакомцем.

Обе дочери и сын знали всю правду о своем происхождении и об орочьей крови, текущей в их жилах. Но дети их, по крайней мере, дети Марвен, называли себя людьми.

Никто не знает, что случилось в конце концов с Нарендилом и Мелайне. Они долго прожили в своем лесу. Поколение людей успело смениться, прежде чем настал день, когда заезжие купцы нашли дом Рыжего Эльфа пустым. Дверь была распахнута настежь, очаг и горн остыли. На столе среди инструментов лежал серебряный ларчик, только что обтертый после полировки, там же нашли и нетронутые слитки серебра. (Ларчик этот долгое время принадлежал одному из знатнейших родов Рохана. Он невелик, помещается в ладони, а на плоской его крышке — лицо Черной. По всему видно, что это она, но непохожая сама на себя: с улыбкой на губах, в венке из колокольчиков. Надпись по ободку знаками Тенгвара первые владельцы, может быть, и понимали.) Оба лука и меч висели на стене, но коней не было в конюшне. Купцам оставалось только гадать — Лес сохранил эту тайну, как сохранил многие другие.

Год проходил за годом. Рохан забыл Рыжего Эльфа и его Черную. Истории о них смешались с другими преданиями об эльфах, о магии, о Войне Кольца и о прочих чудесах и дивах Третьей Эпохи. Но правнуки правнуков Нарендила и Мелайне жили среди людей и как люди. Говорили, что их можно распознать по рыжим отблескам в темных волосах и странной привычке усмехаться не к месту — когда другим не до смеха. Однако если речь идет о Смертных, такие приметы воистину никуда не годятся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Единственный добрый обычай, который мы переняли с Заокраинного Запада, — в конце или в начале литературного труда благодарить тех, кто помогал нам и вдохновлял нас. Следуя этому обычаю, благодарю

- Анну, мою сестру;
- АИА (А.Киселеву);
- леди Эйлиан;
- моего мужа.

Примечания

Многие из имен собственных, приведенных здесь (ЭйФель Дазн, Дольн, Сумеречье вместо Лихолесья), вероятно, внушат омерзение знатоку первоисточников и квэнийской фонетики. В основном это заимствования из худших и наиболее доступных массовому читателю переводов. Автору это известно, но править что-либо совершенно не хочется. Пусть наш дурной вкус «сойдет за мировоззрение».

Имя «Нарендил» можно перевести с Высокого Наречия как «любящий огонь». Или «преданный огню». Разумеется, на Квэниа невозможна такая игра слов, как на русском, — корень «(н)дил» не имеет значения «отданный против воли». Но так или иначе, имя звучит не очень-то весело, особенно если учесть, что этот корень чаще встречается в именах Смертных. Возможно, мрачное и отчасти безумное состояние, в котором пребывала Марвен после гибели мужа, сказалось на имени сына. Именно поэтому его часто называют прозвищем.

«Кустарник... был не кустарником, а уродливыми деревцами». Геоботаника и прочая фитогеография Средиземья — лес темный. Мы старались не углубляться в эти скользкие материи, но сами для себя считали ту часть Мглистых гор чем-то вроде Карпат, изгаженных Сауроном. (Правда, Карадрас — это скорее Альпы, но на такие вершины в интересующие нас эпохи еще не ходят). А в остальном — несколько сот миль до моря, климат на равнине относительно мягкий, горы возможно перейти пешком, но зимой только сунешься — и сразу хочется в Морию. Снежный покров в два Арагорновых роста, дрова приходится нести на себе — значит, леса уже нет, и криволесья нет, а есть только стланик.

«...говорили на Квэниа, на высоком наречии...» Родным языком отряда Тингрила является, естественно, «лесное наречие» — то, на котором говорят в Сумеречье, т. е., по всей очевидности, одна из ветвей Синдарина. Но и «высокое наречие» — Элдарин, «эльфийская латынь», по выражению Толкиена, — язык не вовсе чужой. На нем поют, произносят заклинания, а также, вероятно, пишут летописи. Квэнийские корни (иногда искаженные) присутствуют в именах. Имена вообще эволюционируют медленнее самого языка, а у Бессмертного Народа — тем паче.

«Ты думаешь, что у Четырех Племен нет других дел...» Четыре племени — это в данном случае Эльфы, Люди, Гномы и Орки. Энты и Полурослики, как создания экзотические для Сумеречья, не сосчитаны в поговорке.

«Эльф не сразу сообразил, что это гортанное шипение — имя.» Собственно говоря, орку звали Гхаштах (от оркск. «гхаш» — огонь). Не исключено, что она и Нарендил — в некотором роде тезки. Есть в этом знак судьбы или нет — не знаю. Я сама не сразу заметила. Однако, учитывая, что Эльфу этого имени нипочем не выговорить, да и Человеку затруднительно, я приняла упрощенную транскрипцию, каковой и пользовалась.

«Тье мелан'е, Хаштах Орквен». Предвижу упреки: почему это мой эльф в такую минуту заговорил на чужом для него Элдарине, и нет ли тут сходства с сакраментальным «je vous aime» Пьера Безухова? Иначе говоря, не перешел ли он на чужой язык оттого, что на нем удобнее врать? Отвечаю: случай совершенно не тот. Французский для Пьера (как английский для нас с вами) был языком книг, языком абстракции и языком светского общения — короче говоря, трижды чужим. На таком языке и врать, и выпендриваться удобно. Совсем не то — Элдарин для Эльфа. Тот язык, на котором должен был бы говорить и петь каждый из них, если бы все сложилось иначе, лучшим образом. Дарованная и потерянная речь, лучшая из возможных. На таком языке врать нелегко. А кроме того, за Элдарином известны определенные магические свойства, некая власть, заключенная в звуках. Вполне естественно, что в ответ на просьбу маленькой орки «сказать по-другому» эльф произносит то же на другом языке — у этого глагола синонимов нет.

«В одном из Людских наречий «Мелайне» означает «Черная"». «Melaine» (греч.). Как и большинство имен, возникших из любовного лепета, имя «Мелайне» звучит достаточно одиозно для любого постороннего, владеющего Квэниа: наиболее пристойный с точки зрения здравого смысла перевод — «Любезная Айнуру».